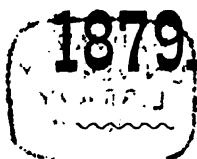

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

№ 11. Ноябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. Сущинскаго.

Высочайшій приказъ 108.

1879

РАЗСКАЗЪ ПЛѢННИКА.

Изъ записокъ о хивинской экспедиціи 1839 г.

26-го ноября 1839 года.

Вотъ уже пятый день, какъ мы оставили за собой Илецкую защиту. Съ каждымъ шагомъ впередъ воздушная степь глубже и глубже захватываетъ нашъ отрядъ въ свои могильно-синевація объятія. Кругомъ пустота. Снѣгу подъ ногами въ четверть. Напряженное зрѣніе не видитъ ничего, кромѣ земли и неба; изрѣдка одинъ только ковыль (прозванный сербами «волосами сироты») выкалываетъ свою стальную щетину, будто разбросанныя стада замороженныхъ вепрей лежатъ подъ розсыпью перевозимья.

Бросивъ поводъ на гриву лошади, я руками отогрѣвалъ леденѣющія щеки: тридцати пяти градусный морозъ, при полномъ безвѣтріи, захватывалъ дыханіе и проникъ бы до костей, еслибъ насъ не спасали двойные сибирскіе яргави.

Небо во всѣ эти дни было ясно, какъ бирюза востока. Багровое солнце катилось по горизонту между двухъ огненныхъ столбовъ. Снѣжная степь, отражая на себѣ тройственное знаменіе, придавала общей картинѣ торжественный видъ изъ библейскаго странствованія Моисея.

сея съ его полчищемъ. Громадный караванъ верблюдовъ удваивалъ сходство.

Ночь намъ свѣтила тремя мѣсяцами.

Офицеры то и другое явленіе называли триумфальными воротами въ Хиву, золотыми столбами будущей русской границы.

— У махOMETовой луны, говорили солдаты, выросли уши.

— Она, видно, хочетъ узнать до точности, въ какой день замерзнетъ въ конецъ ея красное солнышко.

— Уши-то у нее велики, замѣчали другіе, да глаза малы, оттого то она и не видала, что красное солнышко еще у Илецкой защиты обморозило свои алыя будри, а на третьемъ нашемъ переходѣ въ степь, обледѣвши на смерть, повѣсило съ боковъ, на поминъ своей души, двѣ кумачевыя ширинки.

Главномандующаго радовало такое молодецкое настрѣніе духа въ войскѣ, но не довѣряя будущему, потому что зима уже заявила свой убійственный характеръ, онъ подобную поэзію называлъ «лейбъ-фантазіей».

Неотступныя мысли, что онъ повторяетъ собой печальную роль Фараона, возможная гибель отряда въ этихъ снѣгахъ, страшная отвѣтственность передъ Государемъ, черная страница въ военной исторіи изнурили его силы; онъ уже началъ страдать бессонницей. Въ его рукахъ оставалось одно орудіе—поддерживать бодрость солдатъ, т. е. лейбъ-фантазію.

Когда Наполеонъ I-й при своемъ консульствѣ задумалъ перейти на житье въ Тюйлери, то говорилъ секретарю: меня будетъ сопровождать блестящая свита и парадъ войскъ; простота хороша въ арміи, но въ большомъ городѣ необходимы торжественныя представленія; хотя это скучно, но дѣлать нечего: здѣсь надобно говорить глазамъ! Такія вещи нравятся народу!

Перовскій, постоянно важный, неразговорчивый съ подчиненными, хорошо понималъ свое появленіе въ обществѣ и передъ баталіонами: онъ былъ идоломъ оренбургской

военной аристократіи, имъ же созданной, и небеснымъ громомъ для солдатъ, казаковъ, земской полиціи и оружной орды, которые передъ нимъ, вытягиваясь въ струнку, читали одну понтонную молитву: «перенеси Богъ!»

И вотъ, чтобы краснорѣчиво г.ворить глазамъ, онъ изъ своей комфортабельной повозки, запряженной верблюдами, часто садился на верхового коня, изъ буксесскихъ табуновъ, и ѣхалъ навстрѣчу потока идущихъ солдатъ. Это были дѣйствительныя морціи возбуждающаго. Здѣсь онъ самъ, какъ лихой наѣздникъ въ степи и въ манежѣ, былъ великолѣпнымъ драматическимъ представленіемъ въ походной жизни!

— Перовскій, говорили солдаты, Царь-громъ, а его лошади молонья!

И въ самомъ дѣлѣ онъ стоилъ такихъ эпитетовъ. Сверхъ форменнаго платья на немъ была надѣта лапландская доха въ родѣ бурки, съ длинными рукавами. Выразительный профиль генерала рѣзко печатался на темно-синемъ горизонтѣ, дыханіе его курилось, и взбѣгая инеемъ нанизывало морозовую канитель на мѣховой воротникъ, и серебрило околышъ шапки. Обледѣнные усы и угрюмо сдвинутыя брови придавали физиономіи именно то могучее выраженіе, передъ которымъ исчезаетъ болѣзненное истомленіе отъ форсированныхъ маршей, и которое, съ пѣснями ведетъ колонны подъ огнемъ шущія батареи. Блѣдно-голубыя, почти бѣлыя яблоки глазъ Перовскаго, въ чернѣ на завѣтренномъ лицѣ, казались замороженными. И солдатамъ онъ самъ представлялся генераль-морозомъ, который когда-то билъ на нашихъ поляхъ наполеоновскія полчища, а нынче де-скать побьетъ онъ и киргизію съ басурманской Хивой.

Сонъ былъ въ руку! Главнокомандующій каждый взводъ поздравлялъ съ русскимъ морозомъ.

— Благодаримъ покорно! и рады стараться В. П.! гремѣли ему на встрѣчу.

— Грейтесь, ребята! прибавъ шагу.. на ночьлегъ раз-

ложимъ костры — будетъ небу жарко! выпьемъ по лишней чаркѣ водки, и морозъ какъ съ гуся вода!

Въ каждой толпѣ нашихъ крестьянъ, изъ 10 — 20 человѣкъ, всегда выщется 2—3 весельчака, краснбая, но въ походной колоннѣ, идущей вольнымъ шагомъ, они считаются уже дюжинами.

На слѣдахъ Перовскаго весь строй оживалъ будто отъ прикосновенія волшебнаго жезла. Бойкій умъ говоруновъ вспархивалъ жаръ-птицей, народное краснорѣчіе разсыпалось историческими приговорками, перемѣшанными съ собственными сатирами, противъ своего перваго врага: жгучаго холода.

— Экъ дѣдушка-то морозъ еще только теперь хватился, что мы ушли изъ Оренбурга, опоздалъ на проводы! жаль! мы бы про него баню истопили.

— Чай промѣшквался въ Иркутскѣ на ярмаркѣ, отвѣчали сибиряки: онъ тамъ изъ хлѣбнаго вина выжимаетъ воду.

— А легокъ на ногу, замѣчали третьи, даромъ что старше ягой бабы! вчера былъ за горами, а нынче ѣдитъ на нашихъ верблюдахъ.

— Да вѣдь онъ мычется по свѣту на лыжахъ, по міру на салазкахъ, и чуть лѣнивый черкесъ запоздаетъ келью вытопить, смотришь: стукнетъ раза два объ уголъ, да и въ дверь. Радъ — не радъ гостю, а принимай въ ночлежники.

— Не трогайте старика, замѣчали мнительные умы, вѣдь отъ его зубовъ до нашего носа рукой подать; а тамъ глядишь: подкатится подъ сердце черной немочью, да и поминай какъ звали!

— И то, братцы, правда! — тогда и пролежишь на степи до первой травы, коли тобой воли не поужинаютъ.

— Ну нѣтъ, далеко кулибу до Петрова дня! Киргизскій морозъ еще до насъ не доросъ!

— Правда, ребята, правда! — сбири ты морозы съ

трехъ зимъ въ одно мѣсто, такъ и они не проймаютъ нашей одежды.

— Эй, рассказчикъ, смотри у тебя носъ побѣлѣлъ! держи его рукавицей, а не то отвалится!

— Это, братцы, калмыцкій потъ выступилъ дѣвичьимъ молобомъ.

— Нѣтъ, это прежняя деревенская смѣтана, краденая у бабушки, выплываетъ наружу.

— Трофимовъ, облизывай! вѣдь ты охотникъ до твоего рожнаго!

Таковъ русскій солдатъ и на полковыхъ праздникахъ и за часъ до своей боевой смерти. Нашей трень-травой настаивается и народная сивуха, и чистый сѣверный воздухъ. Громкій смѣхъ, это даровая трещотка, съ повтореніями и перевираніями связаннаго, бѣглымъ огнемъ катился по рядамъ.

Подъ такую залихватскую музыку и казаки, съ гиканьемъ выскакавъ съ обѣихъ сторонъ колонны, пускались на широкихъ кругахъ, изъ первобытной уральской азбуки выводить заветные вензеля „все нашо да Божье!“

Впереди, закинувъ назадъ головы, гордо-трагическимъ шагомъ выступали лимфатики верблюды; глухо бряцающая цѣпами, катилась полевая артиллерія и курился неугасимый фитиль для сигаръ и трубокъ. Хвостъ отряда составляли парочныя фуры лазарета, въ которыя не перемежающійся дѣдушка морозъ наваливалъ уже цѣлую кучу своихъ хвастливыхъ поединчиковъ.

II.

Любознательный умъ мыслителя еще надолго останется безпомощнымъ младенцемъ передъ таинственными силами внѣшней природы. Перовскій, въ бытность свою военнымъ губернаторомъ, 8 лѣтъ съ неуспянной дѣятельностію наблюдалъ характеръ кайсацкаго климата, какъ по уральской линіи, такъ и въ степи на самыхъ даль-

ныхъ точкахъ. Метеорологическія записки, составляемыя учеными, вмѣстѣ съ семейными преданіями башкирскихъ и киргизскихъ старожилонъ, одинаково рапортовали, что искони степные снѣга представляютъ глубину отъ 4 до 6 вершковъ и уже выше колѣна, кромѣ наносныхъ сугробовъ, никогда не бываютъ. Суточные и двухъ суточные бураны дѣло обыкновенное: они страшны только для одинокаго пѣшехода, а каравану ничего не сдѣлаютъ особенно, когда у хозяевъ есть шатровыя кибитки и кошмы для подъяремнаго табуна. Кочевники де-скасть цѣлые вѣка живутъ въ степяхъ и, во славу Аллаха, не погребаются подъ снѣжными сугробами; для стадъ и табуновъ во всякую зиму одни ясли — мать сыра земля. Наконецъ морозы отъ 7 до 12 градусовъ дѣло обыкновенное, въ 20—25 рѣдкость и то не надолго, а тамъ и среди зимы такъ отдастъ, что и двойной халатъ ношей покажется.

Основываясь на такихъ, повидимому, вѣрнѣйшихъ данныхъ, Перовскій начертилъ планъ экспедиціи и Императоръ повелѣлъ открыть военныя дѣйствія, но дикая природа въ зиму 1839 и 40 годахъ, повторяя свои бѣсновато-историческія знаменія, разумѣется, существующія въ ея законахъ черезъ длинные періоды времени (забытая память), грозно-непобѣдимымъ чудовищемъ стала передъ нашимъ отрядомъ.

За Илецкой защитой, при мелкихъ снѣгахъ, трескучій удушающій морозъ, будто живое созданіе, злой духъ степенъ—защитникъ Хивы, переступая съ ноги на ногу, перемѣнялъ только цифры градусовъ, начиная отъ 20 до 23 и обратно. Такъ постоянно онъ, какъ непобѣдимый арріергардъ, невидимо и стихійно затруднялъ намъ дорогу на протяженіи 500 верстъ, то есть до рѣки Эмбы.

И если читатель припомнить, что наши дома — кошевыя палатки, съѣстные припасы—въ ящикахъ, провіантъ съ фуражнымъ овсомъ—въ переметныхъ сумахъ и порціонныя дрова (эти живительные очаги) везли на

себѣ верблюды, тогда онъ пойметъ весь ужасъ нашего положенія.

Намъ скажутъ съ дровами вездѣ лѣто! — но у насъ дрова береглись для иныхъ горшихъ случаевъ; кибитки нагрѣвались камышемъ, гдѣ его можно было достать, ковылемъ, гдѣ уже ничего не было и санями-обшивнями отъ палыхъ верблюдовъ. На растопку шли березовыя швырковыя полѣнья. Морозъ не измѣнялъ своего норова.

Берегъ Эмбы.

Наконецъ, 21 декабря, съ послѣдняго перехода, зоркіе глаза солдатъ подѣ самымъ горизонтомъ завидѣли темное пятно, дрожащее въ морозныхъ искрахъ и вьющійся дымокъ: это было Эмбенское укрѣпленіе. И радостные крики: Эмба! Эмба! Теплое жилье! Дымокъ!.. 500 верстъ за нами! такъ грянули по рядамъ колонны, что и лимфатичен верблюды, выше поднявъ свои головы, прибавили шагъ.

И дѣйствительно, было чему радоваться: тамъ находились запасы сѣна, а главное кизяка (топливо), камыша и хвороста. Солдаты запѣли пѣсню: «Не бѣлы снѣжки въ полѣ заблѣлись, а заблѣлись каменны палаты».

Черезъ два часа три сотни уральскихъ казаковъ, составлявшихъ гарнизонъ Эмбскаго укрѣпленія, въ качествѣ квартирьеровъ встрѣчали нашу первую колонну съ такимъ восторгомъ, будто они полжизни просидѣли въ замураванной тюрьмѣ.

Эмба была и нашей надеждой — на теплый отдыхъ. Русскій авось увѣрилъ cadaго изъ насъ по одиночѣ, что берегъ этой рѣки — настоящія ворота на югъ, съ надписью: «Сбей рогъ зимѣ!» Да, мы вѣрили, что за эту грань сѣверный лютый морозъ не смѣетъ уже выставить и своего (почему то названнаго) краснаго носа, хотя въ дѣйствительности онъ имѣетъ блѣдно-синеватый цвѣтъ восточной проказы.

Мы вбѣжали въ плетневый городокъ, какъ на свою родину: но эта родина бобылей оказалась смазанками, промороженными и распудренными мшистымъ инеемъ съ лица и подкладки до такого совершенства, что въ нихъ холодно было заглянуть. Послѣ мѣсячнаго похода изъ Оренбурга то пѣшкомъ, то на горбахъ верблюдовъ (и замѣтьте, всѣхъ солдатъ) здѣсь только у одной молодежи не дрогнуло сердце, для которой всякая новизна-развлечение и даже 33° морозъ, встрѣтившій насъ у обѣтованныхъ воротъ Эмбы.

Но прежде отчаянія, у всякаго человѣка при всѣхъ бѣдствіяхъ непремѣнно найдется что нибудь утѣшительное. Удачные гарнизонные казаки для всѣхъ колоннъ наготовили звонкихъ сухихъ камышей, въ родѣ русскаго хвороста. Это былъ лучшій подарокъ, и наши курени задымились жизнію.

Степная почта.

Въ этотъ день я пожелалъ счастливаго пути киргизу, который на конѣ верхомъ и у сѣдла съ заводной лошадейю на чумбурѣ, во всю рысь понесся отъ нашего стана на сѣверъ. Это былъ фельдъегерь отъ главнокомандующаго въ Оренбургъ съ страшными докладами Государю и съ самыми утѣшительными письмами къ нашимъ друзьямъ и кровнымъ. Дружба и любовь обманываютъ только въ тѣ минуты, когда они сами погибаютъ.

Надобно здѣсь сказать, что между гражданствующимъ міромъ у насъ не перерывалось сообщеніе по милости неутомимыхъ степныхъ лошадей и ихъ дикихъ властелиновъ. Киргизу проскакать въ его родной пустынь 700—800 верстъ, гдѣ зимой кромѣ снѣговъ и бурана даже нѣтъ ни галки, ни вороны, дѣло самое возможное.

Это была наша голубиная почта, наши аэростаты. Представьте, что посланникъ, во избѣжаніе встрѣчъ съ земляками, которые могли бы у него отнять конверты для

передати въ Хиву, долженъ былъ скакать нашимъ веселымъ путемъ почти безлюднымъ, потому что аулы, еще съ осени, далеко откочевали въ стороны и для береженія казеннымъ табунамъ подножного корма и въ избѣжаніе встрѣчи съ солдатами.

Для такой почты изъ киргизскаго конвоя обыкновенно выбирался одинъ изъ ловкихъ караванныхъ наѣзди́никовъ, съ строгимъ наказомъ: не дремать дорогой и какъ можно скорѣе поспѣвать къ городу Лемпуру (Оренбургу). Потомъ, важные конверты зашивались въ лопушистый ма-лахай курьера, а на грудь навѣшивалась сумка съ частной корреспонденціей и фальшивыми донесеніями, чтобъ въ случаѣ нападенія хищниковъ, гонецъ могъ жертвовать ложными бумагами. Сакмы ѣздоваго набивались сухарями дней на шесть, питье подъ ногами и на чумбурѣ заводной конь—это вторая станціонная смѣна.

Вѣрный киргизъ, съ двужилымъ своимъ организмомъ, на неутомимыхъ бѣгунахъ безъ отдыха проскакавъ версть 60, останавливается для того, чтобъ переложить сѣдло съ спины одной лошади на другую, подтянуть единственную подпругу, взнуздать заводнаго, взнуздать усталаго подъяремника и въ такой перекладкѣ проходить много-много минутъ 20. А между тѣмъ кони отфыркаются, вздохнуть, хватятъ горстей 5—6 ковылю въ прикуску съ снѣгомъ, и снова въ нуть на такое же разстояніе. Верстахъ на сотню посолъ даетъ своей парѣ привалъ часа на полтора: покормить ее подснѣжной травой, самъ съѣсть сухаря два въ прикуску съ тѣмъ же снѣгомъ, сотворить намазъ и, бормоча правовѣрную молитву въ коленно-сидячемъ преклоненіи, вздремнетъ мертвой дремой и скоро пробужденный морозомъ и службой русскому сардарю, опять точно съ такими же приѣмами бѣтаетъ и въ хвостъ и въ гриву.

И этому сыну природы, подѣ часъ лихой мачехи, по всей степи нѣтъ препятствій. Днемъ онъ скачетъ по солнцу, ночью по звѣздамъ и по инстинктамъ сквозь непроглядный туманъ и сѣвось адскій винтоворотъ бурана.

Да, онъ летитъ ядромъ въ мишени и уклоняется съ прямой линіи только для объѣзда топучихъ солончаковъ, обрывистыхъ овраговъ и, описавъ дугу, снова выскакиваетъ на стезю, которая кажется нитью, проведенной отъ двухъ точекъ сквозь его бритую голову. На седлѣ киргизъ всегда сидитъ въ полъоборота, склоняясь къ высокой лушѣ, чтобъ однимъ плечемъ идти въ разрѣзъ вѣтру. Опытъ научилъ его, что прямо парусить грудью значить удваивать ношу воя и истощать свою силу *).

III

И такъ мы на Эмбѣ; морозъ, кажется, заперъ на замокъ южные вѣтры и ключъ перебросилъ чрезъ степи на сѣверъ. Днемъ передъ нами, какъ и прежде, горятъ три солнца; во весь походъ отъ Илецкой защиты почти ни одна звѣздочка снѣга не пала подъ ноги, ни одна оттепель не смягчила острый, игольчатый воздухъ. Киргизы и башкиры, какъ воспитанники кошменныхъ домовъ, бодро стоятъ подъ морозами, казаки еще держатся, но солдаты заваливаютъ собой лазареты. Главныя болѣзни, кромѣ обмороженныхъ членовъ, горячки и лихорадки. Но нравственные силы, безъ всякаго колебанія, стоятъ все на тѣхъ же высотахъ, гдѣ русскими людьми пожинаются всѣ лавры. Это привиллегія сѣвера — мать авось съ небосемъ.

Тотъ зналъ хорошо русскаго человѣка, кто сложилъ поговорку: «Наша взяла, хоть рыло въ крови!»

Да, съ такими воетелями — легко было ставить геркулесовскіе столбы на всѣхъ бранныхъ дорогахъ.

Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ оговориться. Нашъ мужикъ, потомъ поочереды линейный солдатъ, можетъ считаться могучимъ сѣвернымъ медвѣдемъ только сравнительно съ

*) Хорошая арабская лошадь сразу въ 4 сутокъ можетъ проскакать 600 верстъ; киргизская не уступитъ ей въ скорости.

западнымъ европейцемъ. Но передъ уральскимъ казакомъ, въ степномъ походѣ, онъ нѣженка а передъ киргизомъ и башкиромъ — безпомощный младенецъ.

Илья Муромецъ, въ одной знаменитой былинѣ, схвативши ордынца за ноги, какъ палицей билъ имъ толпы невѣрныхъ, съ слѣдующей приговоркой: «А и крѣпокъ татаринъ непорвется, а и жиловать собака — несорвется».

Народные поэты — съ изумительной мѣткостью и однимъ словомъ опредѣляли и норы челоуѣка и его качественность.

Нашъ крестьянинъ, этотъ родоначальникъ арміи, не боится зимнихъ поволжскихъ бурановъ: съ краюшкой хлѣба за пазухой, онъ невредимо подъ саженымъ сугробомъ пролежитъ двое сутокъ; но послѣ ему необходима изба, печь съ полатыми или, по крайней мѣрѣ, широкій пылающій костеръ, гдѣ бы можно было просушить онучи и свою продрогнувшую утробу.

Пустынные берега Эмбы издали казались намъ обѣтованной землей, и мы навѣрное предполагали, что наконецъ владычество сѣвера перепогутъ права юга; но гаданье не сбылось, и я по прежнему пишу походныя замѣтки карандашемъ. Чернила давно смерзли въ одну массу съ флавономъ.

22-го декабря. Къ вечеру этого дня весь горизонтъ обложился тучами и сталъ перепархивать снѣгъ, но съ начала рѣдкими блестками, нерѣшительно вьющимися въ воздухѣ.

— Да падай же смѣлѣ! кричали солдаты: али боишься ногу ушибить. Возьми глаза въ зубы и увидишь, что — по всей степи лежитъ мягкая подстилка изъ ковыля! Китай же Юнкаръ бѣлоручка!

Нашъ народъ на задирчиво-подстрекательныхъ зубоскальствахъ собаку съѣлъ и не одну, а трехъ разомъ; и въ самомъ дѣлѣ, снѣгъ, будто почувствовавъ обидную насмѣшку, посыпался лебяжьимъ пухомъ и потомъ повадилъ хлопками.

— Вотъ онъ! радостно закричали солдаты, не под-

толпи его сзади — киселемъ, такъ еще продумалъ бы съ мѣсяцъ.

Говорить съ стихіями молитвенно и насмѣшками составляетъ обрядную сторону нашихъ повѣрій. Впрочемъ, это правило не одной простонародной Руси.

Матросы всѣхъ странъ, начиная съ практической Англіи, олицетворяя бурныя океанскія явленія, вполнѣ вѣрятъ, что во время мертвѣго стиля стоитъ только знатокъ (на особый ладъ) посвистать, чтобъ вѣщей-буркой-коуркой запорхалъ предъ ними вѣтеръ.

Нашъ станъ ожилъ: надежды на теплую погоду разцвѣли, и я 22 числа декабря писалъ краснымъ корандашемъ въ моему дорожникѣ.

Здѣсь слѣдуетъ сказать, что въ кошечной палаткѣ я стоялъ вмѣстѣ съ однимъ казацкимъ маіоромъ, человѣкомъ очень наблюдательнымъ и знаткомъ стихійныхъ перемѣнъ и кочевой жизни.

— Что вы хмуритесь, маіоръ? сказалъ я, когда нынче у насъ всѣ радуются и ликуютъ?

— Да чему же тутъ радоваться?

— Какъ чему—паденью снѣга!

— Извините; я что-то не вѣрю въ здоровую оттепель отъ этого снѣга...

— Почему?

— Да потому, что у нынѣшней бѣдовой зимы—зло на умѣ!..

— А вы какъ представляете себѣ нынѣшнюю зиму?— т. е. въ какомъ образѣ?

— Да ни больше, ни меньше, какъ въ образѣ зимы-сироты. Она весь походъ, безъ перемезки, патнала насъ морозами, а теперь, кажется, хочетъ завалить снѣгами и забить буранами. Я хорошо знаю одно, и вполнѣ вѣрю, что у злаго начала всегда и злой конецъ. Это вы встрѣтите и у ехиднаго человѣка, и у природы, когда она своей ехидной стороною поворачивается къ міръ-народу. А у нее есть такая сторона.

— А на вашемъ вѣку, маіоръ, бывали здѣсь такіа зимы?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ; 50 лѣтъ я живу, т. е. вожую по Уральской линіи и по Киргизіи, и ничего подобнаго не видалъ. Но докладываю вамъ, что у здѣшнихъ лѣтнихъ засухъ и у особистыхъ зимъ бывають упрямые, стойкіе нравы. И ужъ ты тутъ молись—не молись, а перемѣны не жди. Здѣшняя природа-магомета.

— Что же вы думаете?

— Да мнѣ кажется, что съ нынѣшней зимой въ эту пору сдѣлался переломъ: она поворотила къ примочкамъ изъ снѣга! Были великіе безъ пути морозы, надобно ждать и безъ пути великихъ снѣговъ, да пожалуй и такихъ же бурановъ. Право, добраго я ничего не жду; здѣсь большіе снѣга и въ хорошую зиму—казнь Божія, смертный постъ степнымъ конямъ и верблюдамъ.

Дѣти природы прежде всего замѣчаютъ гнѣвные черты у своей матери диварки. Таковъ человѣкъ: рука тяжело наказующая памятникъ руки милующей! — т. е. громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Страхъ ушелъ и благодарность ушла.

Повторимъ здѣсь давно высказанное историческое замѣчаніе, что у всѣхъ грубыхъ и суевѣрныхъ народовъ боязнь злаго духа сильнѣе почтенія къ добрымъ духамъ. Египтяне постоянно толкуютъ о шейтанѣ и забываютъ добрыхъ джиновъ. Здѣсь страхъ дѣлается нравственнымъ чувствомъ.

Вотъ гдѣ начало олицетворенія стихійныхъ силъ, это колыбель поэтическихъ сказокъ и всемірныхъ мифологій, т. е. первые шаги младенчествующаго разума къ наукѣ естествознанія. Нашъ маіоръ съ его практическимъ смысломъ, воплощая видимую природу въ образъ четверорукаго божества: справа милующаго, слѣва карающаго, былъ однимъ изъ тѣхъ знатоковъ, которые всегда служатъ ученымъ людямъ проводниками—въ бездонныя степи, въ заоблачныя горы и въ лабиринтъ дѣвственныхъ лѣсовъ.

Это уже переходное состояніе естественнаго чело-вѣка изъ области фантазіи къ дѣйствительности, когда онъ по закату солнца видитъ погоду завтрашняго дня, по цвѣту чуть замѣтнаго облачка угадываетъ приближеніе бурана, или градовой тучи, и по первымъ пріемамъ зимы почти безошибочно предсказываетъ ея послѣдующій характеръ. Это уже разумный опытъ—предтеча всѣхъ человѣческихъ знаній.

Кстати, приведемъ здѣсь два любопытные типа изъ нашихъ народныхъ сказочниковъ-оракуловъ, относящихся къ самой первобытной порѣ невѣденія и страстнаго желанія распечатать кувшинъ съ Соломоновской мудростью.

Въ нашу кочевую кибитку (юллану) для походныхъ услугъ, и совершенно по доброй волѣ, приходили два воина: солдатъ и казакъ, оба поэты, точные передатчики народной литературы. Солдатъ отличался знаніемъ таинственныхъ апокрифовъ, казакъ славился цѣлымъ сборникомъ пѣсенъ.

Такіе люди—кладъ! Разумѣется, они явились къ намъ не съ продажей своего словеснаго товара, но именно якобы поусердствовать своимъ прислужничествомъ. Они носили камышъ, дрова, разводили огонь, грѣли чайникъ, чтобъ самимъ напиться сбитню, чистили съ платья пыль, которую даже за деньги нельзя было достать и потомъ питались остатками отъ нашей трапезы. Казакъ острилъ надъ товарищемъ—пѣхотной крупой; солдатъ разговаривалъ съ дровами, спрашивалъ изъ какого лѣса они родомъ и говорилъ съ огнемъ, который споконь вѣка теплится де-свать на небесахъ передъ золотымъ престоломъ Всевышняго. Солдатъ отъ выучки апокрифовъ былъ чело-вѣкъ горячо вѣрующій во всѣ обряды, повѣрья и преданія; казакъ былъ скептикъ, зубоскаль, потому что мірскія пѣсни, былины и сказки, находившіяся въ его памяти, прямо указывали на одну бытовую дѣйствительность.

Разузнавши такіе разносторонніе таланты, мы постоянно стравливали этихъ витій на безконечные споры.

Маіоръ, если помнитъ читатель, началъ свой разговоръ, олицетворяя морозную зиму въ фигуру змѣй скоропеей; солдатъ, какъ домашній человѣкъ, вмѣшался въ разговоръ.

— Дѣйствительно, ваше в-дѣе, нынѣшняя зима точь въ точь змѣя-скоропеей! А все это отъ того, что морская пучина и дивно и ночью то котломъ внизъ вьетъ, то вверхъ стогомъ бьетъ.

При такомъ дикомъ вступленіи, я подумалъ, что дѣдушка морозъ окончательно помутилъ разумъ у апокрифиста; маіоръ улыбнулся, какъ человѣкъ знакомый съ подобными приѣмами; казакъ, сидя у огня на цыпкахъ, низко опустилъ голову, чтобъ при первомъ завирании товарища, влѣпить въ него злую сатиру, но, сбитый съ толку книжно—выспреннимъ началомъ, молчалъ и хмурился.

Я подумалъ: какъ то нашъ всегда рѣшительный порицало выпутается изъ такой галиматіи? Солдатъ продолжалъ спокойно, потому что говорилъ по сказанному, какъ по писанному.

— Извѣстно, в. в., что земля стоитъ на китѣ-рыбѣ, а этотъ китъ разлегся съ востока до запада. Прежде онъ, т. е. въ старинные годы, всѣмъ своимъ громадиющимъ туловищемъ лежалъ подъ водой, съ однимъ задѣльемъ: то въ себя сосалъ морскую пучину, то ея изъ себя выметывалъ; а послѣ, когда воды стали сливать и уже много слили съ мать-сырой земли, то въ ея утробу, то въ небесный дождь, тогда китъ и обмѣлѣлъ. И теперь у него у батюшки одно только рыло да брюшнице въ океанѣ; а весь хребетъ остался наружъ.

— Какъ же мы его не видимъ? замѣтилъ казакъ.

— Да какъ же ты его своими казацкими то глазами увидишь? китъ—рыба махинная, и онъ съ морскаго днаща вынесъ на своемъ хребтѣ: илу, глины, песку, камней и чернозему песхватные пласты. Это первая рѣчь; а другая рѣчь повѣдуетъ, что самъ то китъ и есть наша коренная земля, только что подводная. А знаешь ли ты,

казакеъ, отъ чего нынче человѣку и скоту трудно на землѣ жить?

Казакеъ, подергивая усами, молчалъ; раскащикъ отнесся къ намъ.

— Нынче, в. в., отъ того трудно жить на землѣ всему божьему созданію, что трудно самому вѣту жить безъ привольной воды. Извѣстно: рыбеъ вонъ изъ рѣки — смерть — морта! И книга речеть, что вѣтъ подъ конецъ каждаго года, а годъ, по писанію, начинается послѣ осеннихъ урожаевъ, подступаетъ съ жалобой ко Творцу. Господи! — онъ говоритъ, взмилуйся надо мной! Нынче мнѣ, рабу твоему, всѣ кости и ребра проѣздили колесами такъ, что могутъ нѣтъ! И Господь всякой годъ ему глаголетъ: выхаркай 33 корабля, кои ты сглонулъ, тогда и ѣздить по тебѣ не будутъ, и станешь опять лежать подъ океанской водой.

— Ты самъ то грамотный? спросилъ я философа, разрѣшающаго такіа отвлеченныя задачи.

— Никакеъ нѣтъ, все это говоримъ по наслышкѣ отъ мудрыхъ людей.

— Постойте, сказалъ казакеъ, собравшись съ духомъ, ты говоришь, что вѣтъ споконь вѣка сглонулъ всего только 33 корабля, вотъ тутъ то и неправда!

— Какая же неправда?

— Да такая, что у насъ на одномъ Хвалынскомъ морѣ, кажинное лѣто чай больше сотни погибаетъ судовъ; а сосчитайка ихъ по всѣму бѣлому свѣту...

— Полно, казакеъ, это дѣло не твоей глупой головы. Надъ такимъ знахарствомъ сидѣли пророцы! А ты только слушай. А они глаголятъ, что Господь въ своихъ небесахъ считаетъ не ваши погибшія Хвалынскія лодченки, а корабли, потонувшіе съ проводниками. Первый корабль сѣлъ въ брюхѣ у вѣта съ пророкомъ Іоной; и когда Господь проглаголетъ: выхаркай 33 корабля! — тогда рыбаща пошарить, пошарить въ своей утробѣ, да кромѣ вишокъ ничего и не найдетъ, потому что все ужъ въ ней изныло. Тутъ она и завопитъ, а отъ такого вопа

идутъ осенніе вѣтра. А отъ чего въ жаркихъ странахъ бываютъ землетресенія? — Отъ того, что киту подъ солнечными лучами лежатъ невтерпежъ, тутъ онъ и шевельнетъ хвостомъ — ошибомъ! Ну, города и проваливаются. Такъ вотъ, в. в., вздохнетъ китъ лѣтомъ — поднимаются вихри, зимой — бураны; взглянетъ окомъ на сивирскую сторону — пойдутъ морозы, фыркнетъ — снѣгъ повалитъ хлопьями.

— Что, казакъ, сказалъ маіоръ, спѣшился видно и ты передъ линейнымъ солдатомъ?

— Тутъ, в. в., идетъ Господняя сила и говорить намъ не приводится. «Мищиной скоморохъ крутить и вертить; а передъ Божьей планидой молчить».

IV.

22 и 23 числа декабря выпало пропасть снѣгу. Послѣ перваго дня праздника Рождества Христова свирѣпствовалъ 48-ми часовой буранъ — съ свистомъ, ревомъ, завываньями и занесъ крайнія кибитки и землянки до маковки, а средніе внутреныя по поясъ. 28 числа буря стихла, но снѣгъ валитъ — валкой, маіоръ былъ правъ: гигантскій запоръ долженъ былъ разрѣшиться и гигантскими отложеніями.

Наши деньщики и усердные вѣстовые — волонтеры разчистили передъ шатромъ площадку шаговъ на 20; я выглянулъ на свѣтъ Божій и увидалъ одні бѣлыя летящія лоскуты, будто цѣлый караванъ съ хлопчатой бумагой былъ розорванъ въ воздухъ и пущенъ на наше укрѣпленіе. Передо мной справа и слѣва шевелились неясныя тѣни. Это были солдаты, откапывающіе занесенный таборъ.

Я нырнулъ на свое логовище, съ вопросомъ, есть ли у насъ дрова?

— Объ этомъ не беспокойтесь, сказалъ маіоръ, у меня всего наготовлено, и даже наши верховые кони

во весь буранъ стояли у нашей юламы (кибитки) и подъ кошмами.

— А сѣно есть?

— Все есть, и овесъ и сѣно.

— Вы, маіоръ, дорогой человѣкъ!

— Да, степной человѣкъ только на вашемъ паркетѣ никуда не годится, а подъ открытымъ небомъ онъ вездѣ будетъ правой рукой. Не хотите ли попытать броду и осмотрѣться, что въ нашемъ городкѣ дѣлается?

— Да развѣ это возможно?

— Да развѣ есть что невозможное для русскаго человѣка? Правда, мы завалены снѣгомъ, но вѣдь онъ теперь мягкой, рыхлой, какъ морская пѣна; но вотъ когда окрѣпнетъ, оплотится...

— Что же тогда дѣлать?

— Ну, тогда будетъ много работы. У коня роговые чоботы, и онъ подгоняемый голодомъ, хоть съ трудомъ, но доскребется до ковыля, а верблюды щиплетъ только ту траву, которая торчитъ надъ снѣгомъ. Верблюды-барченокъ, у него нѣтъ копытъ, а два перста, да и тѣ въ мягкихъ рукавицахъ. Значить, на пастбищѣ слѣдуетъ лопатами разрывать весь снѣгъ до травы.

— Что то теперь дѣлается съ нашими бѣдными верблюдами и казацкими лошадьми?

— Страшный судъ, точно такой же, какъ и съ нами. Заготовленное сѣно на Эмбѣ нельзя же тратить, оно еще пригодится. Ыдемте.

Намъ осѣдали коней, и мы вышли. Въ этотъ мигъ снѣгъ уже не падалъ и въ тускломъ декабрскомъ воздухѣ, подъ нависшими тучами, представилась зловѣщая картина. Надобно признаться, что у меня дрогнуло сердце, какъ у человѣка, передъ глазами котораго Дагомейскіе люди вырыли могилу, чтобъ его живымъ зарыть въ землю.

Передо мной вся окружающая степь была поднята въ ростъ человѣка; а тамъ, гдѣ буранъ встрѣчалъ препятствія, видѣлись снѣжные курганы. Вершины плетневыхъ

юртъ, какъ обломки цѣлой флотиліи, какъ фараоновскія колесницы, плыли по снѣжной пучинѣ куда то въ тотъ таинственный міръ, надъ которымъ лежитъ одинъ общій саванъ смерти. Сотни солдатъ, казаковъ и башкирцевъ, при полномъ безмолвіи, откапывали свои жилища—новую Помпею. Всѣ они съ головы были пропудрены снѣгомъ и потому казались неуклюжими бѣлыми медвѣдями на заднихъ лапахъ.

Здѣсь, передъ лицомъ ярко возмущенной природы, каждый образованнѣйшій человѣкъ, съ его владычнымъ умомъ въ кабинетѣ, сокращается въ ничтожную точку атома, изъ котораго онъ призванъ къ бытію, къ само-дѣйствию. Оренбургъ находился отъ насъ за 500 верстъ, впереди лежала пустыня на разстояніи еще тысячи верстъ до Хивы.

Вѣстовой апокрифистъ, съ смѣющимся лицомъ, подавая мнѣ лошадей, сказалъ: все это, в. в., нафыркалъ бытъ-рыба.

— Ты, Никитинъ, не боишься смерти?

— Никакъ нѣтъ, в. в., да чего же ея бояться? Вѣдь мы затѣмъ и пошли въ степь, чтобы умирать! Въ Хивѣ ли тебя проткнуть пикой, или здѣсь здохнешь подъ снѣгомъ, тутъ все едино! А отъ морозной смерти да отъ утару, говорятъ, самая легкая кончина. Лажешь, уснешь крѣпко на-крѣпко и ужъ не встанешь для чистки амуницы. Чай попъ прочтетъ намъ отходную? а съ ней важинному христіанину вездѣ хорошо идти на вѣчный упокой. Слава тебѣ Господи!—пожили и мы въ добрѣ—въ теплѣ, и пожалуй хоть нынче же на переключку.

— Куда?

— Да на тотъ свѣтъ, в. в.

— А тебѣ сколько лѣтъ?

— Да вѣчеръ, въ день святаго Степана архидіакона, мнѣ минуло ровно 30 лѣтъ!

Доброе твореніе русскій крестьянинъ. Вырванный изъ своей семьи очереднымъ жребьемъ на царскую службу, съ ея палками, фухтелями и безконечной муш-

трой, онъ при первомъ горшемъ обстоятельстве, какъ наприимѣръ въ Хивинскомъ походѣ, называетъ уже добромъ и красномъ то прошедшее, гдѣ фронтовикъ, съ руками, заложенными на голову, осмѣливался говорить только одну молитвенную просьбу: помилосердуйте в. б! заставьте за себя вѣчно Бога молить

И нашъ солдатъ, вчерашній именинникъ, въ цвѣтѣхъ лѣтъ, съ добродушной улыбкой говоритъ: *«Мы уже пожили, будетъ!»*

Однимъ словомъ, Никитинъ совершенно разсѣялъ мои мрачныя думы.

Вѣкъ живи и вѣкъ учись читать буквы каждаго событія, рѣзко выступающаго изъ смурой обыденщины. Я только въ эти минуты понялъ, какую могущественную власть могли имѣть прежніе бояны надъ духомъ чуткаго слушателя. Древніе рапсоды, барды, трубадуры и скалды созданы не по договору общенароднаго комитета, но вызваны общечеловѣческой потребностью. Для воиновъ, всѣ ихъ тысячи самыхъ возбуждительно-поэтическихъ пѣсенъ значились подъ однимъ общимъ названіемъ: «жизнь копейка, голова дѣло найденное! тоестъ: «здѣсь на степяхъ, подъ песками, мы ляжемъ костями; мертвые срама неимутъ, мертвыхъ живыхъ невѣсты тамъ примутъ!» И наэлектризованная сельская простота, наравнѣ съ рыцарями чести, отважно рубилась съ врагомъ и съ той же Никитинской улыбкой падала на свою безвременную могилу. Нынче вдохновенные войсковые пѣвцы замѣнены патріотизмомъ, гдѣ онъ имѣется, и строгой дисциплиной, гдѣ его нѣтъ. Но покамѣстъ въ Европѣ существуютъ дикобразные арсеналы для варварскихъ войнъ, до тѣхъ поръ для нашей арміи необходимы чернорукіе Никитины.

Все это почувствовалось мною въ тотъ мигъ, когда я становился въ стремя и, въ родѣ тяжелой аммуниціи пирамиды, вкладывался въ сѣдло. Мы стояли за снѣжными буграми, будто за гребнемъ гласиса.

— Послушайте, майоръ, неужели по этому безпутному морю возможно будетъ проѣхать?

— А вотъ посмотримъ и увидимъ. Покуда я знаю и очень твердо одно, сказалъ майоръ, садясь на своего бѣшенатаго киргиза, что для такихъ походовъ необходима злая ордынская лошадь. Нагайка свернула въ его рукѣ, и конь пошелъ широкими перепрыгами по снѣгу, который изъ за конской шеи хваталъ по самую грудь всадника. Въ мягкомъ конѣ, продолжалъ онъ, покамѣстъ играетъ овесъ, ему ни почемъ никакая сумятица; но поставь его на одно сѣно, а паче того на подснѣжный кормъ, онъ опуститъ уши и сдѣлается хуже теленка; на оборотъ, заносчивый скакунъ отъ перваго толчка готовъ выскочить вонъ изъ своей сухопарой шкуры, и при такихъ то оказіяхъ уже не выдастъ наѣзника.

Я ѣхалъ за казацкимъ витеземъ будто коридоромъ. Внезапно упавшій снѣгъ дѣйствительно былъ пушистъ, какъ морская пѣна; онъ не успѣлъ еще сѣрноваться, скопиться въ одну массу; но несмотря на это, наши лошади, тяжело хрюпая, непрерывно подымались на дыбы, чтобъ перепрыгивать сугробы. Каждый долъ, незамѣтный въ малоснѣжье, теперь представлялъ неодолимые препятствія; но какъ было разпознать логи, когда уровень снѣговъ, будто по ватерпасу, представлялся въ степи въ одну площадь? Мы ѣхали бродомъ, т. е. пытали глубь тѣмъ, что погружали нашихъ коней по уши и потомъ, осаживая назадъ, выбирали новое направленіе по догадкѣ. У моего сѣдла лопнули подпруги, и я на одномъ потникѣ совершилъ путешествіе. Кругомъ бойко шевелился народъ: снѣгъ вѣвали и разгребали.

Я спросилъ близъ стоящаго солдата: далеко ли еще до табуна верблюдовъ!

— Еще матерія, в. б., чай съ версту будетъ!

И именно эта верста была длинной матеріей. Мы ѣхали ровно часть, и новое зрѣлище поразило меня до содроганія. Представьте: 4000 верблюдовъ, окруженныхъ въ одинъ табунъ, стояли неподвижно, какъ остовы дра-

мадеровъ, открытые крыломъ урагана изъ подъ горючихъ песковъ Африки. Сходство казалось тѣмъ вѣрнѣе, что они были пробѣлены матовымъ инеемъ, а горбы сравнены наносами снѣга. Вблизи 670 лошадей, съ обледенными гривами, тѣмъ же снѣгомъ были приведены въ одну бѣлую масть. Они бились передъ нами, какъ въ кузнечныхъ станкахъ, потому что каждый голодный конь жевалъ гриву у своего сосѣда, и часто съ прикуской холки. Верблюды выражали въ себѣ жизнь глухимъ, болезненнымъ рычаньемъ, и ихъ большіе глаза казались остолбенѣлыми.

Это была видимая смерть, и она уже началась съ нашихъ ногъ. Безъ лошадей и верблюдовъ мы не могли двинуться съ мѣста.

— Неужели они во весь 48-ми часовой буранъ стояли на горахъ?

— Нѣтъ; лошадь обыкновенно стоитъ, а верблюду каждую ночь необходимо лежать. Онъ наѣдается часа въ полтора, а потомъ на боку, точнѣе на брюхѣ, размѣлываетъ свою жвачку. Но вы знаете, что зимой для логовища верблюду непременно каждую ночь надобно расчистить снѣгъ до почвы, потомъ положить въ постилку кошму, или камышъ. Верблюдъ, увидя свой тюфякъ, тужъ минутой ложится, и его одѣваютъ попоной. Но при 10—12 тысячахъ верблюдовъ, 100—150 киргизскихъ пастуховъ, разбитыхъ усталостью и насквозь промороженныхъ, возможна ли такая точность и въ то время, когда этотъ горбатый труженикъ, положительно, на всѣхъ инспекторскихъ смотрахъ не объявляетъ своихъ претензій.

— Да этакъ они всѣ перемерутъ?

— Ну, разумѣется, перемерутъ! У насъ на пути къ Эмбѣ и здѣсь на Эмбѣ уже пало изъ нихъ 2 т. головъ, и теперь въ этомъ табунѣ,—навѣрное столько же кандидатовъ къ смерти. Верблюды все-таки южное твореніе, а тутъ на нихъ пала сибирская зима.

— Что же здѣсь предпринимается отъ такой гибели?

— А вот видите: тамъ въ сторонѣ 200 уральцевъ и полторы сотни отборныхъ молодцовъ башкирцевъ, изъ отряда Цюльовскаго, разрываютъ лопатами снѣга до травы...

— Для чего же?

— Да чтобъ на этой небольшой площадкѣ, въ родѣ легкаго завтрака, доставить скудную пищу для 5670 головъ.

— Да такая неповоротливая машина—можетъ убить и самаго машиниста...

V.

Главкомандующій, лично распораясь работами, собственнымъ примѣромъ ободрялъ людей, и обвинскій его жеребецъ, широкой грудью дельфина взвѣвая снѣга, быстро переносилъ съ мѣста на мѣсто неутомимаго руководителя.

Василій Алексѣевичъ былъ безъ перчатокъ, въ фуражкѣ безъ наушниковъ (самая краснорѣчивая фраза для ниже-чиновныхъ дѣятелей); лицо его пламенно разгоралось отъ непрерывныхъ препятствій. Онъ, забывая себя, видѣлъ только общую бѣду, грозившую цѣлому отряду одной могилой, и по возможности отводя удары рока, неуклонно шелъ противъ быстрого теченія ужасовъ.

Но что значать человѣческія силы передъ лицомъ возмущенной природы?

— Гдѣ-то теперь нашъ гонецъ-курьеръ?

— Гдѣ курьеръ? — да, я думаю, онъ уже опять съ письмами скачетъ сюда изъ Оренбурга. Для такого гонца 8 сутокъ большое время. Тамъ онъ съѣлъ пудъ маханины, выпилъ цѣлый бурдюкъ кумыса и съ сытой утробой веселый, довольный—летитъ къ намъ безогляди; только, можетъ быть, на новыхъ коняхъ.

— Да, наконецъ, можно-ли въ такое время ѣхать въ обратный путь?

— А вотъ, сказалъ маіоръ, мы сейчасъ спросимъ этого рабочаго башкира. Эй! ты! батырь съ липовой лопатой! по русскому болтаешь?

— Мало—мало болтаемъ, сударь.

— Ты чуялъ, когда съ Эмбы пошелъ курьеръ?

— На Ленбургъ пошелъ башкиръ, мой братъ будетъ, Абдулъ Сантовъ.

Я вмѣшался въ распросы: да развѣ въ Ленбургъ пошелъ не киргизъ, а башкиръ?

— Киргизъ! киргизъ, сударь, пфя!—дрянь! онъ воръ хорошъ, хорошъ въ побѣгъ бѣгать! гдѣ ему! на Ленбургъ только одна наша башкиръ идетъ. Она вѣрна слуга живетъ сардарю!

— А тебя какъ звать?

— Меня? Бухарей.

— Послушай, Бухарей! Мы думаемъ, что твой братъ умеръ, замеръ, кончалъ на дорогѣ въ Ленбургъ?

— Э, зачѣмъ, сударь, кончалъ, чай нѣтъ кончалъ.

— Какъ же онъ по такимъ снѣгамъ ѣхалъ?

— Какъ ѣхалъ? — ну, ѣхалъ. Вѣдь буранъ, сударь, былъ, въ высокимъ мѣстамъ снѣгъ тащилъ. Ну, по высокимъ мѣстамъ и гайда. Правда, мало-мало покружить въ объѣздахъ... ну, день два запуздаетъ, а все прибѣжить. У него башка ай-ай больно умна живетъ.

— Ты, Бухарей, бывалъ на Акъ-Булакѣ?

— Какъ не бывать, сударь, бывалъ, затѣмъ и сюда пупалъ.

— Скажи: скорс ли туда можно дойти?

— Въ мелкой снѣгъ на добрыхъ коняхъ чай въ два сутка поспѣешь.

— Ну, а нынче съ верблюдами и со всей тягой?

— Ну, сударь, про то знатъ бульша голова Василь Лексеичъ Пероска. Онъ и проведетъ! Наше дѣло, вотъ лопата.

— Ну, а ты какъ думаешь?

— Нашъ, сударь, тутъ самимъ нельзя думать; намъ за своя дума нагайкамъ даютъ! Вотъ вели, ну, мы и

пуѣдемъ и въ снѣгъ и въ водамъ, и пужалуй умрешъ, какъ приказъ будетъ.

— Какова смышленности! замѣтилъ маіоръ, когда мы по проложенной тропѣ шагомъ поѣхали къ своей юламѣ.

— Да, маіоръ, сказалъ я болѣе про себя, чѣмъ для его свѣденія, умъ человѣка, и въ самой животной жизни горитъ яркимъ огонькомъ въ дикой пустынѣ и на дикомъ островѣ. Опытъ—первый великій учитель въ нашей жизни и для невѣжды и для человѣка образованнаго. «Вѣкъ живи и вѣкъ учись», говоритъ простой мужикъ послѣ каждаго ушиба отъ плохого соображенія; тоже самое говорилъ и мыслитель Сократъ за IV вѣка до Р. Х. Посмотрите, башкирь-дикарь передалъ мнѣ совершенно новое понятіе о степныхъ громадныхъ снѣгахъ и о вѣрномъ способѣ отыскивать бродъ и прокладывать пути по высокимъ мѣстамъ. Здѣсь онъ казался мудрецомъ; но при первомъ вопросѣ о дорогѣ на Акъ-Булакъ, которая прямо зависитъ отъ главнокомандующаго, онъ съ осторожной разумностію уклонился отъ прямого отвѣта. Дайте вы языкъ обезьянѣ, и она вамъ расскажетъ только то, что говорятъ ей собственныя инстинкты. Ея ловкая хитрость, ея сообразительная осторожность—даже вновь изученная опытомъ, есть простое самохраненіе жизни, которымъ надѣлены всѣ насѣкомыя: воробей два раза непойдетъ на приманку; напуганная ворона и куستا боится. А интересно бы знать, что при моемъ вопросѣ было въ головѣ у башкирца?

— Да, я думаю, отвѣчалъ маіоръ, тоже самое, что и у насъ: бросить все на Эмбѣ, да скорѣе дѣлать то, что мы непременно сдѣлаемъ на Акъ-Булакѣ.

— А мы, что тамъ сдѣлаемъ?

— Тамъ отдадутъ приказъ на возвратный походъ къ Оренбургу.

— Вы думаете?

Увѣренъ. До Хивы намъ недойти! Спросите объ этомъ нашихъ верблюдовъ и коней, и они въ одинъ храпъ

вамъ. отвѣтять: передъ нами одна дорога къ скорой смерти! И это хорошо знаютъ башкиры, знаютъ и наши табуны, да и мы мало-мало знаемъ.

Какъ сильны эти простыя, но вѣрные замѣчанія, думалъ я, маіоръ продолжалъ:

— Славный у насъ народъ эти башкирцы: сноси-
вый, тягучій, терпѣливый какъ верблюды, и умно-сообразительный. И какія махинныя работы они у насъ совершаютъ—страхъ! Напримѣръ: Оренбургъ стоитъ въ голой степи, кругомъ заповѣдныя рощи, изъ которыхъ нельзя брать вѣтки и для птичьей клѣтки, а Оренбургъ ежегодно истребляетъ десятки тысячъ сажень дровъ березовыхъ и дубовыхъ, да по самымъ сходнымъ цѣнамъ. А гдѣ ихъ берутъ? Башкиры рубятъ лѣса на истокахъ Саемары и плотами гонятъ сюда. Такая рубка, порядокъ обыкновенный; но дѣло въ томъ, что прогонные плоты поспѣваютъ къ Оренбургу въ самую осень, а окончательно выгружаются на берегъ уже въ сильные заморозки, когда по рѣкѣ идетъ сало, т. е. первая ледяная тюра-кашица.

— И что же? г. маіоръ.

— Да то, что башкирцы цѣлые дни стоятъ по поясъ въ водѣ и вытаскиваютъ бревна.

— И нѣтъ смертности?

— Ну безъ смертности нельзя же обойтись; но цѣлыя массы выдерживаютъ.

— И безъ ропота?

— Есть и ропотъ; но это ропотъ младенца. Напримѣръ: ими управляетъ Цѣлковскій (Цюлковскій) и нагайка—страшная коню и верблюду даже за нѣсколько минутъ до ихъ смерти, подъ которой они бѣгутъ, какъ здоровяки и тутъ же падаютъ безъ дыханія! И башкиры за такое мученичество, стоячи по поясъ въ мерзлой водѣ, поютъ пѣсни сатиру слѣдующаго содержанія. Голось этой пѣсни—грустный вопль матери надъ могилой сына вормила. Вотъ одинъ ея куплетъ:

Сак-ма-ра, Сак-ма-ра
 Больно быстра! —
 Морозна-морозна,
 Ай-яй! — бѣда!
 Пулковникъ Цѣлковскій
 Больно брызга!

— Но эту пѣсню, спросилъ я, вѣроятно сочинили за нихъ здѣшніе офицеры?

— Нѣтъ; а надобно полагать, что она сложена ихъ пѣвцами и собственно для того, что авось-де-свать, и самъ Цѣлковскій ее услышитъ. Мать не плачетъ, дитя не разумѣетъ, а здѣсь у этого дитяти-татарченка мать европейка. Я говорю о Цѣлковскомъ.

У маіора выкатилась слеза.

— Экая дрянь! — сказалъ онъ, казацкій маіоръ рюмить, какъ баба!

— Это дѣлаетъ честь вашему человѣческому сердцу.

— Ну, Богъ знаетъ; у насъ человѣкъ прежде всего казакъ. Я вовсе не изъ нѣженовъ... а тутъ, значить, и меня ужъ хватило за ретивое. Я много видалъ секучій, и совершалъ ихъ самъ за худыя дѣла. Вы знаете пословицу: виноватаго кровь вода, неповиннаго бѣда! но башкирца все бьетъ: и начальство, и нечеловѣческія работы. Хотите, я вамъ разскажу самый выразительный примѣръ ихъ терпѣнія, страха передъ начальствомъ, и вообще робкую недоувѣрчивость въ русскимъ?

— Сдѣлайте одолженіе, маіоръ! — Знаніе народа и тѣмъ болѣе башкирскаго, этихъ прописныхъ душъ въ нашей исторіи, очень важно для науки.

— Ну-съ, по прошлое лѣто я двѣ недѣли прожилъ въ Оренбургѣ. Празднаго времени у меня было очень много, и я каждый день ѣздилъ въ засавмарскія рощи охотиться на куропаатовъ и витютановъ. Въ первый же день, въ сторонѣ отъ большой дороги, въ частомъ кустарникѣ я увидалъ прочернѣлый провіантскій кулъ, по вѣроятію набитый навозомъ. На возвратномъ пути, въ кулѣ что-то шевельнулось — я подумалъ: недобитая собака. На шестой день, послѣ сильнаго дождя, я увидалъ слѣдующее явле-

нѣ: изъ кульба выползалъ остовъ башкира въ измазанной рубашкѣ. «Асселя маликомъ!» Башкиръ, не отвѣчая на привѣтъ, указалъ на свои кроваво-запекшіяся губы. Я подошелъ къ бѣднягѣ. Куда ползешь? Онъ указалъ пальцемъ на дождевую лужу. Казакъ подалъ ему воды, и онъ, лежа на брюхѣ, съ жадностью напился. — Ты болѣишь? — Болѣишь! — Что болитъ? — Все болитъ! — Давно лежишь въ кульбѣ? — Не помню! — На казенной работѣ здѣсь былъ? — Да; на сѣновосѣ. — Отчего не шелъ въ Оренбургъ, въ госпиталь? — Боюсь! — Чего? — Ну... И такое явленіе было въ 4—5 верстахъ отъ города. Я его отвезъ въ больницу, гдѣ онъ на другой же день умеръ. И такихъ случаевъ здѣсь тьма... И какъ все подобное, несуразное припомнится, ну, и душа мутится. Между тѣмъ майоръ, какъ тотъ же суровый сынъ степей, желая изгладить во мнѣ воспоминаніе о его предательской слезѣ, снова повторилъ: нѣтъ я не нѣженка! Но такая похвальба потребовала доказательствъ, и онъ, приподнимая на своей груди широкій ремень лядуночной перевязи, спросилъ: узнаете ли вы изъ какого бычка-третьяка выкроена эта штука?

Я снялъ рукавицу, попробовалъ и отвѣтилъ: изъ лося!

— Нѣтъ; лѣтъ за тридцать тому назадъ мой покойный родитель, дай ему Богъ царство небесное, бывшій лихимъ урядникомъ, собственными руками выкроилъ эту перевязь изъ хребта киргизскаго батыра.

Я вздрогнулъ. Неужели это правда?

— Правда, святая правда: покойниками не шутать.

— За что-жъ это такое страшное варварство?

— Да за страшное варварство! Киргизы въ 18** году охотились на нашихъ казаковъ, какъ на волвовъ, да еще и того хуже. Бывало сдѣлаютъ набѣгъ на казачью станицу, и послѣ нихъ хоть шаромъ покати. Молодыхъ увезутъ на хивинскій базаръ, старыхъ и малыхъ переколятъ, дѣвокъ обезчестятъ... Ну, примѣрно, увидалъ киргизъ шелковый поясъ на бабѣ, развязывать некогда, рвать не перервешь, то онъ пересѣчетъ ее пополамъ и

возьметъ добычу. Разъ, точно въ такой погромъ съ нашей уральской крѣпостью, мой родитель возвратился ко дворамъ съ 12 вооруженными казаками. Смотрить, а у насъ все покошено. Замѣтите, такой подходъ по обычаю сдѣланъ въ тихомолку, безъ коней, ползкомъ съ гуненниковъ. Съ кинжаломъ въ зубахъ родитель прямо наткнулся на свою молодую жену, пересѣченную на полы, а его жена была моя родная матушка. Киргизскій батырь передъ его глазами зарубнулъ ея становой хребетъ и уже ткнулъ алый поясъ съ мученицы. Родитель гиннулъ, явились казаки, и тутъ же живьемъ изъ хребта разбойника онъ выхватилъ вотъ эту самую перевязь. Ваша матушка, прибавилъ майоръ, скончалась?

— Да 8 лѣтъ тому назадъ.

— И въ своей постелѣ?

— Въ своей постелѣ.

— Супруга ваша благоденствуетъ?

— Да!

— Ну, въ такомъ случаѣ вы не судья ни моему родителю за такую расправу, ни мнѣ—строгому хранителю этой надгробной рѣчи, по вашему эпифатіи.

VI.

Здѣсь, верхомъ на конѣ, встрѣтился нашъ адъютантъ Перовскаго, Габбе, бывшій офицеръ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, красавецъ собой, бойко краснорѣчивый и удачно копирующий декламацию В. А. Каратыгина 1-го.

— Каковъ буранъ? сказалъ онъ. Это двѣ дополнительные казни—въ казнямъ египетскимъ?

— Кто же здѣсь, спросилъ я, представляетъ божьихъ людей и египтянъ!

Габбе хорошо понималъ, что его слова принимаются за голосъ Перовскаго, а тутъ стоялъ казачій майоръ, передатчикъ всякаго извѣстія въ колонну, и потому онъ, немного замѣшавшись, сказалъ: объ этомъ надобно спро-

сить отряднаго священника; съ походнаго сѣдла подобные вопросы не рѣшаются. Но вы, господа, вѣроятно еще не все знаете, что надѣлалъ буранъ въ нашемъ лагерѣ! Напримѣръ, вчерашній день онъ сорвалъ болѣе дюжины кибитокъ и унесъ ихъ въ степь, можете представить положеніе солдатъ въ мокрой свѣжной мятели и полураздѣтыхъ по домашнему. Молодцы уральцы и башкирцы тотчасъ расползлися по сосѣднимъ юртамъ; но пѣхотные солдаты, которыхъ В. И. Даль очень вѣрно называетъ дѣвками, мертвыми душами, въ зимнемъ степномъ походѣ совершенно потеряли головы. Они стояли въ буранѣ, какъ опшаренныя куры, и кричали караулъ! Казаки и башкиры ихъ все какъ размѣстили по палаткамъ. Нынче изъ нихъ куча перемороженныхъ и въ горячкѣ.

— И они правы, замѣтилъ я; казакъ, этотъ сѣверный бедуинъ, во всѣхъ невзгодахъ надѣется собственно на одни свои силы, а линейный солдатъ на каждомъ шагѣ ждетъ артикульной команды. Такая покорность властямъ сдѣлала наши арміи непобѣдимыми во всѣхъ европейскихъ войнахъ. Наши войска умѣютъ твердо ходить тихимъ шагомъ подѣ картечными выстрѣлами и молча складывать свои головы тамъ, гдѣ имъ прикажутъ. Казаки же у насъ партизаны, ихъ правило гинуть, налетѣть на врага, яро ударить, и отъ первыхъ пуль удрать съ такой же быстротой до ласу, какъ говорятъ поляки, до стараго замку.

— И то правда, сказалъ майоръ, нашъ завѣтъ: урвать да уѣхать. Дайте вы такую волю пѣхотѣ и послѣ не соберете войска. Во фронтѣ у пѣхотинца вмѣсто души сидитъ одна дисциплина: у нея нѣтъ глазъ, а только чуткія уши для принятія команды.

— Пожалуй, это и правда, замѣтилъ Габбе.

— А что Василій Алексѣичъ?

— Онъ не спитъ ночи, потерялъ аппетитъ, и одна только борьба съ чертовскими препятствіями поддерживаетъ его силы.

— Скажите, Габбе, что теперь думаетъ вашъ штабный Геликонъ—жрецы музъ и Апполона: докторъ и народный поэтъ Даль, естествоиспытатель Леманъ, астрономъ Васильевъ, кругосвѣтный скитатель Чихачевъ и сарданапаль-паша-Ханыковъ, секретарь географическаго общества?

— Даль, какъ русскій человекъ, зорко видитъ многое, и о многомъ молчить; остальные, какъ искатели новыхъ свѣдѣній и приключеній, теперь безмолвствуютъ.

— Когда мы двинемся къ Акъ-Булаку?

— Ну, этотъ привазь еще въ рукахъ Аллаха. Нашъ походъ роковой!

Да еще въ дополненіе ко всему нашему благополучію, вы знаете, что киргизскіе пастухи, при первомъ удобномъ ночлегѣ дезертируютъ изъ колоннъ. Напримѣръ, наканунѣ бурана еще бѣжало 6 кайсаковъ и увели съ собой 18 верблюдовъ. И такихъ продѣлокъ было уже много, и много ожидается.

— И тутъ ничего не подѣлаешь, сказалъ майоръ. Красть верблюдовъ очень легко. Напримѣръ, мы на ночлегъ становимся таборомъ, а верблюдовъ тотъ же часъ киргизы отгоняютъ въ сторону верстъ за 5—6 на табаневку (пастбище) и дѣлаютъ тамъ что хотятъ. Въ благополучную зиму этого бы не было: а нынче насъ бьетъ и Богъ и киргизскіе малахан.

— А вотъ, сказалъ Габбе, взгляните еще на новое зрѣлище.

Въ самомъ дѣлѣ, къ намъ приближались два рослые, хорошо откормленные верблюда—въ поводу у киргизовъ. На переднемъ были надѣты теплые коженныя ботинки, на заднемъ кенги.

— Что за явленіе? спросилъ я.

— Эта пара, отвѣчалъ Габбе, изъ цуга В. А. въ образцовой обуви. Видите, многіе колонные верблюды поморозили себѣ лапы, и если еще будутъ повторяться такіе случаи, то у насъ придумали нарядить ихъ въ сапоги. Въ отрядѣ есть тысяча до трехъ запасныхъ бо-

тинокъ, и теперь эти верблюды идутъ на смотръ въ корпусному командиру. Мы тонемъ и хватаемся за соломенку.

Важные верблюды не обращали вниманія на праздничную обувь, въ родѣ арестантскихъ колодокъ, но замѣтно укоротили свою иноходную, размашистую походку. Бѣдные дѣти востока здѣсь они походили на странствующихъ дервишей въ Мекку, подъ добровольными веригами; а потомъ по аналогіи на страуса.

Въ самомъ дѣлѣ на половинѣ передняго горба пересѣките вы верблюда на двое, да потомъ, вмѣсто хвоста, подвѣсите къ тарсу огромный снопъ, на примѣръ, кудряваго хлопчатника и передъ вами будетъ стросокамышъ, съ той же длинной шеей и запрокинутой головой. Типичный переходъ отъ птицы къ четвероногому. Одногорбый драматеръ еще сильнѣе удваиваетъ подобное сходство.

Послѣ такого представленія мы разстались, и по приѣздѣ въ свою юллу мы принялись за чай.

— Вотъ, замѣтилъ майоръ, нашъ главнокомандующій собралъ около себя всю ученую мудрость, какъ у насъ говорили, Брюсовъ, Пинетти и Мартынъ Задевъ, да видно и они тутъ ничего не сдѣлаютъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, майоръ, сказалъ я смѣясь, ужъ и за правду, не шутитъ ли здѣсь съ нами шутъ китъ-рыба, краеугольный камень земли?

— Вы, гг. образованные люди, не вѣрите народнымъ примѣтамъ, а въ нихъ всегда есть часть правды, и такой правды, черезъ которую нынче и Перовскій съ своимъ ученымъ штабомъ не перелѣзетъ. А я вотъ скажу изъ опыта вотъ что...

— Про китъ рыбу?

— Китъ-ли, не китъ-ли ворочаетъ землей; но въ Божьей колесницѣ нашимъ братомъ степникомъ, да не одной своей головой, а цѣлыми поколѣніями замѣчено, и знаете ли что?..

Я съ полнымъ вниманіемъ принялся слушать; майоръ продолжалъ:

У насъ въ природѣ замѣчено двѣ враждебныя силы. Это два колеса, съ поры на пору идущія другъ супротивъ друга съ страшной ломкой въ общей машинѣ. Будетъ ли тутъ что по вашему, по ученому? не знаю, но докладываю вамъ не сонъ, не басню, а явь на ощупь.

Такое вступленіе мнѣ показалось очень любопытнымъ. Въ средѣ всего человѣчества, дикаго и цивилизованнаго, изъ—древлѣ существуютъ двѣ смѣло пророчесвенныя пословицы. Первая: „народъ говоритъ, Богъ говоритъ!“ это чутко-геніальная народная угадчивость тѣхъ будущихъ неотразимыхъ явленій, которыя подспудно зрѣютъ въ глубинѣ нашихъ инстинктовъ.

Вторая пословица: «Богъ говоритъ, народъ говоритъ!» это уже объясненіе крупныхъ знаменій въ стихійномъ мірѣ, т. е. переводъ творческихъ глаголовъ на языкъ человѣка. Майоръ, какъ мнѣ казалось, желалъ истолковать смыслъ послѣдней и прямо изъ народной неписанной книги. Я не ошибся. Онъ продолжалъ.

— Наша природа, т. е. вся Божья колесница—земля и небо—стоитъ передъ нами мать—мачихой. У нее одна голова, два разныя сердца и четыре руки. Такъ она видѣлась нашими предками и отцами, такъ она видится и нами. Правыя двѣ руки принадлежать доброй, ласковой матери: она даетъ намъ урожайные года, тихія грозы, здоровыя росы, холить, румянить нашихъ дѣтей, наводить лоскъ на табуны, на стада, и гонить изъ Хвалынскаго моря въ Уралъ непробойныя тучи красной рыбы. Тогда въ казатчинѣ почти нѣтъ и болѣзней! И, диво, тогда является переводъ и на волковъ хищниковъ, а на лисицъ приплодъ. На, де-скать, лови ихъ себѣ на богатые шубы и обсыпайся серебромъ и златомъ. Вы меня слушаете?

— Да, и очень прилежно.

— Ну-съ, и въ природѣ такая добрая рабочая пора, какъ и срочная казацкая служба, проходитъ. Значить: силы ея вымогались и зовутъ на опочивъ. И вдругъ, эта попечительная мать, видимо засыпаетъ какимъ-то пы-

нымъ, непробуднымъ сномъ. Ея прялки, моталки, красна, вьюшки и воробы: «для нашей домашней аммуниціи, валятся съ ея колѣнъ, дождевыя лейки опрокидываются ничкомъ, ея кнутъ въ 90 пудъ супротивъ всѣхъ бѣдъ развивается. Шабашъ! — она мертвая царевна. И тутъ же, рядомъ съ такимъ знаменіемъ, и тоже видно на ощупъ, встаетъ надъ землею иная царевна Иродіада — двурукая лѣвша. Это ея близнецъ-природа мачиха. Давече я ее назвалъ змѣей скоропей! И точно она змѣя скорпея. Вотъ она и дохнетъ засухой, засуха ведетъ за собой голодъ и всѣ несчастія. Мало этого? — то она пуститъ на табуны моръ, безконечныя стаи хищниковъ, на людей повальныя болѣзни и смертность. И все косой косить! и все насъ бьетъ, крошитъ безъ пощады. Взгляните на нынѣшнюю зиму, она на лицо съ своими зловредными дѣйствіями! Развѣ здѣсь видна мать природа?

Майоръ умоляетъ; я крѣпко пожалъ руку натуръ-философу и вмѣстѣ дуалисту.

Да, Богъ говоритъ—народъ говоритъ! Въ тайныхъ ощущеніяхъ нашей души (какъ замѣчаютъ высшіе мыслители), есть провидящая сила, есть особое зрѣніе—дѣйствующее помимо нашего младенца разума.

VII.

Изъ Оренбурга, ровно черезъ 13 дней, возвратился на Эмбу—башкиръ фельдгегеръ съ казенными конвертами. Мы всѣ лично хотѣли его видѣть, чтобъ услышать голосъ съ того свѣта.

Въ день пріѣзда мы нашли его, окруженнаго толпой, бодрого и совершенно спокойнаго, какъ будто онъ воротился съ простой обыденной работы.

— Ну какъ ты, Абдилъ Сантовъ, доѣхалъ до Эмбы?

— Слава Бухъ, хорошъ!

— Навстрѣчу тебѣ никто не попадался?

— Нѣтъ, Бухъ миловалъ! Теперь всѣ сидятъ по ауламъ, да дуютъ въ ногти. Одна ѣхалъ, только буранъ видѣлъ.

— Большой былъ буранъ?

— Да, вишь, какъ и здѣсь же.

— Глубоки снѣга?

— Ну коли не глубоки! Мы все держались по буграмъ, для того и запуздали, а то бы надо третьяго дня сюда прибѣжать.

— Что, благодарилъ тебя Василій Алексѣичъ?

— Спасибо сказалъ, башкой назвалъ! Ну, молъ, рады стараться.

— Страшно было ѣхать подъ буранами?

— Ну, зачѣмъ, сударь, страшна!—тутъ все одна пущина. Только въ буранъ держи въ умѣ дорогу.

— Да какъ же ты ее удержишь?

— Ну, когда прибѣжалъ на станецъ, а свѣту не видно, знашь, снѣгъ крутить, тутъ ты и замѣчай: куда стоятъ лошадь мордой, и куда хвостомъ. А тамъ, маломало покормишь, и гайда туда, куда ее глазъ смотрѣлъ; а повернешь на хвостъ, тутъ опять въ Лембургъ будешь.

Сказано было коротко и удивительно темно для путешественниковъ по почтовымъ трактамъ.

— А что, Абдулъ Сантовъ, въ Оренбургѣ всѣ здоровы?

— Здоровъ; только, вишь, у пулковниѣ Цалковскій, вороной лошадь кончалъ. Бульно былъ добрый лошадь, хворать—не хворалъ, а палъ, жалъ!

— Тебя хорошо кормили въ Оренбургѣ?

— Аи-ай, хорошо! котелъ съ маханиномъ, и ночью возлѣ тебя все ставилъ. Абдулъ Сантовъ, ашай когда и ночью проснешся.

— Ну, и ты ѣлъ по ночамъ?

— Нѣтъ, только одна разъ, а то все спалъ. Знамо дорогой сна не былъ.

— Ты усталъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ усталъ! усталъ не надо! А кабы тецерь отрядъ ушолъ на Актъ-Булакъ, то бы я еще псе скавалъ впередъ. Лошадь въ пути устанеть — бѣда, а башкирь не устанеть!

— Ты здоровъ?

— Здоровъ, слава Бухъ! Я, вишь, не давался морозу. Самъ скачемъ, а самъ рыло повернемъ въ сторону; ну, носъ цѣла и будетъ!

Я съ благоговѣйной благодарностью смотрѣлъ на дары природы, данные организму первобытнаго человѣка. Вотъ та великанская необоримая мощь, которая невредимо повела нашихъ дикихъ предковъ съвозъ строй всѣхъ варварскихъ вѣвовъ къ настоящимъ днямъ свѣтлой цивилизаціи, т. е. къ полному физическому развитію.

VIII.

Башкирь привезъ казенныя бумаги, гдѣ говорилось прямо и между строками: впередъ, впередъ, и одолѣвай природу! человѣкъ дескать въ мундирѣ стоитъ выше всѣхъ физическихъ препятствій. «Хочу—половина—могу!» а кто сможетъ съ началомъ, тотъ сможетъ и съ концомъ.

Наполеонъ I, побѣдоносный борецъ стихій и арсенальныхъ царствъ, на счетъ русской компаніи могъ заблуждаться только въ Парижѣ и подъ Бородинымъ; но въ концѣ 1812 года онъ положительно сознавалъ голосъ дѣйствительности и 6 октября отдалъ приказъ на знаменитую ретирату. Но еслибъ онъ двинулся изъ Москвы мѣсяцемъ позже, тогда изъ его великой арміи ни одинъ солдатъ не ступилъ бы на берегъ Вислы.

Перовскій, при всемъ пониманіи чудовищныхъ обстоятельствъ, съ смертію въ душѣ долженъ былъ идти уже потому, что военный Петербургъ, среди своихъ сѣверныхъ зимъ, не надѣвая калошъ, видѣлъ въ одной офицерской ватерованной шинели—теплое гдѣто.

IX.

11-го января 1840 года, т. е. ровно послѣ трехъ недѣльной стоянки на Эмбѣ, отданъ приказъ выступить къ Акъ-Булаку. И 11-го января колонны двинулись въ дальнѣйшій путь съ пѣснями, бубнами и трентулемъ (старое названіе треугольника). Но это была судорожная улыбка умирающаго богатыря. Насъ встрѣтилъ все тотъ же лютый морозъ, но уже въ перемежку съ невыносимыми буранами и падающимъ снѣгомъ. Мокрота и морозъ на походѣ, покрывая насъ сплошными латами, увеличивали тяжесть платья. Стихійная энергія, съ систематически-придуманнми и инвизиціонными орудіями, на каждомъ шагу давала намъ воочію видѣть свои карательныя руки. Майоръ, съ его родовыми преданіями, былъ правъ, какъ индѣйскіе миеографы, давшіе образъ все разрушающему Шивѣ. Кабинетные мудрецы могутъ насъ упрекнуть за такіа отвлеченныя картины; но чтожъ дѣлать: фигуральность видимаго міра наводитъ и на фигуральныя сравненія. Каждая идея, сказалъ Лермонтовъ, невидима только въ то время, когда она зрѣетъ въ мозгу, но при первомъ появленіи на свѣтъ, она уже получаетъ вещественный образъ.

Степная дѣйствительность представляла передъ нами возбуренные снѣга на высокихъ мѣстахъ въ колѣно и по поясъ на низменностяхъ. Вязнувшихъ солдатъ обливалъ горячій потъ и замерзалъ при двухъ минутномъ роздыхѣ; верблюды, требующіе особыхъ попеченій, маршировали въ ботинкахъ и веньгахъ (но это были не лыжи, а гири), они тоже вязли, падали на колѣна, съ колѣнъ на бокъ, и ихъ слѣдовало развьючивать, поднимать и снова вьючить. Многіе горбачи уже не вставали. Кончалъ! говорили киргизы, и ноши съ павшихъ частію перекладывались на другихъ, но чаще бросались. Денежная казна, въ такихъ случаяхъ, послѣдняя вещь. Потому представьте движущіеся парки и артиллерію: 12 фунтовыя орудія

везлись на восьми лошадяхъ. Барабаны били молитву: Перенеси Богъ!—но буранъ Шива заглушалъ ихъ ропотъ и уничтожалъ ихъ дробь, какъ беззвучный пухъ одувачиковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, бѣда въ образѣ смерти явно стояла передъ нами; но нижніе чины отрада не унывали, при той твердой увѣренности, что двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать. Служба шла своимъ чередомъ: всѣ люди, по характеру оружія, шедшіе безъ ранцевъ, безостановочно прорывали дорогу лопатами. Трудъ былъ невообразимый; отрядъ проходилъ въ день 5—6 верстъ искусственнымъ корридормъ. Верблюды дошли сотнями; но къ морову и бурану присоединилась новая казнь:—цинготная болѣзнь.

Да, видѣть надъ собой конечную гибель и не подаваться отчаянію,—есть истинное торжество мужества! Солдаты и казаки, раздражаемые непрерывными препятствіями, выливали всю свою месть въ ѣдкихъ сарказмахъ, и противъ кого?

Подивитесь, собственно противъ появившейся цынги! Морозъ и буранъ, косматое рыло, степной жеребецъ, храпунъ, были уже ими осмѣяны. Цыngu, при первомъ знакомствѣ, они называли: урядницей, фельдфебельшей—разбей зубы! старой чертовкой, торговой синими пятнами, артельной цѣловальницей—съ готовой чашкой отравы на водяную болѣзнь.

— Эй, вы, жигари! побрякивали солдаты, за часъ до походнаго сбора,—смотри вмѣстѣ съ онучами не заверните цынги, а то она до костей оглозитъ лядви (голень ногъ).

Имъ отвѣчали: обожжется старая вѣдьма! наши онучи изъ кислой шерсти вытнаны, а цынга любить одну преснатицу.

Людямъ съ первыми признаками этой болѣзни остряки говорили: ну, вы, женихи Иваны Ивановы, не вѣшай головы, а не то фельдфебеля засватаетъ васъ на курносой невѣстѣ.

— А невѣста, братцы, самовольная, дополняли другіе,—она въ разъ на колѣни поставитъ и цѣловать заставить. У нее вмѣсто кумачнича саванъ, а замѣсто сундука съ приданымъ степная могила.

Такъ шутили удалые солдаты и уральцы, и въ тѣхъ же юлламахъ угрюмо сидѣли женихи, отмѣченные лиловыми поцѣлуями цыгги.

Кстати, приведемъ здѣсь другой и уже выработанный мнѣ народной поэзіи, изображающій цыггу на иной крайней точкѣ Европы.

На Грумантѣ, (Шпицбергенѣ), какъ извѣстно читателю, наши беззаботные гуляки, архангельскіе охотники, зимуютъ на островѣ для ловли песцовъ и добыванья оленьихъ кожъ. Ужасы полярныхъ зимъ для нихъ вовсе не страшны, не смотря на то, что большая часть дико отважныхъ охотниковъ умираютъ отъ цыгги. Такое грозное явленіе, гдѣ идетъ вопросъ о жизни и смерти, потребовало особой легенды, и она выразилась въ мрачной поэзіи. Кайсацкая цыгга представлялась экспедиціоннымъ солдатамъ въ видѣ фельдфебельши разбей зубы и свахи отъ курносой невѣсты. Груманлань разсказываютъ, что цыгга—старшая дочь царя Ирода, костлявое чудовище людоѣдовъ, и что у нее 11 сестеръ, дѣвокъ красавицъ. Всѣ онѣ въ бѣлыхъ рубашкахъ, безъ пояса, всѣ босы, простоволосы и оборотни. Напримѣръ, если какой нибудь груманлань (урманъ) слишкомъ востоскуется о своей далекой невѣстѣ или женѣ, тогда въ полночь является къ нему молоденькая Иродіада—ликъ въ ликъ съ его Любой.

Иллюзіи, свойственныя этой болѣзни, даютъ мечтаніямъ видимый образъ, и несчастный парень гибнетъ въ сладкихъ сновидѣніяхъ. Но это частности—детали въ общей картинѣ; а вотъ говорить легенда, когда вокругъ острова разыграется буря, да съ свистомъ завоютъ каменные скалы съ ущельями, тогда, въ трепетномъ блескѣ сѣвернаго сіянія, на волнахъ показывается корбасъ, разбитый на одиннадцать укючинъ. Въ корбасѣ сидятъ

граціозныя Иродіады, на кормѣ старая цынга въ саванѣ, въ рукахъ съ багромъ и похороннымъ голосомъ поется пѣсня.

Нѣтъ здѣсь церковнаго пѣнія,
Нѣтъ ни поповъ, ни амвона,
Нѣтъ колокольнаго звона:
Наше кругомъ все владѣніе.

Но когда Груманланы, наученные знахарями и опытомъ, стали запасаться противоскорбутными средствами, тогда и въ легендѣ явился новый характеръ миса, но, кажется, болѣе для ободренія наемныхъ ловцовъ. Напримѣръ, тотъ же корбасъ и подъ такой же бурей несется къ Шпицбергену, но хоръ Иродіадъ поетъ уже иную пѣсню:

Чую табачный здѣсь духъ!
Морошку я кислую чую...
О, сестры, отваливай! Ухъ!—
Здѣсь я и ночь не ночую.

Эти пѣсни имѣютъ и другіе варианты, которые искажаются неумѣлыми передатчиками. Пословица замѣчаетъ: „Умѣй сложить побасенку, да умѣй ее и разсказать!“ Вотъ эти варианты.

— Здѣсь нѣтъ пѣнія церковнаго,
Здѣсь нѣтъ святаго иконнаго,
Ни звона колокольнаго:
Здѣсь все наше.
— Отваливай, сестры!—
Здѣсь есть табакъ, и кислая морошка!

Х.

28 января 1840 года, Акъ-Булакъ, послѣдняя станція неудавшагося похода въ Хиву, вторыя минныя ворота на теплый югъ. Декораціи на нашей сценѣ не

перемѣнились: вокругъ тоже угрюмо—убійственная степь, съ снѣжными валунами; Акбулакское укрѣпленіе, это большой бастинированный редутъ, съ запустѣлыми нищенскими землянками, съ фресками на внутреннихъ стѣнахъ, планами, селитрой и магнезіей. Половина этихъ наземныхъ норъ была разломана, доски сожжены гарнизонѣмъ. Въ дополненіе къ такой прелести, въ первый день вступленія термометръ показывалъ 19, на второй 20, на третій 33. Потомъ въ ночи третьяго дня, безъ смягченія воздуха, потянулъ вѣтеръ N 0, онъ былъ тонокъ, какъ средневѣковый проволочный бичъ, и мгновенно прохватывалъ сквозь шубы, кошмы и юллы, спасенія не было. Огонь, опавая спереди, сзади стальными иглами вѣтра пронизывалъ сквозь до сердца. Отъ Эмбы верблюдовъ пало 2 т. головъ, а на Аеъ-Булакѣ валялись они отъ сотни до полутора ста въ сутки. Цынга свирѣпствовала—солдаты умирали нѣмыми, покорными. Но во всемъ этомъ чувствовался затаенный стонъ: «бѣдствуемъ! спасите»!

И здѣсь окончательно погасла грошевая свѣча нашей общей надежды—обманщицы, погасла даже въ рукахъ главнокомандующаго. И слава Богу.

Онъ взялъ на себя всю отвѣтственность и къ половинѣ февраля 1840 года отдалъ приказъ объ отступленіи на Эмбу. Здѣсь силы человѣка уже ничего не могли сдѣлать болѣе того, что сдѣлалъ Перовскій. Дальній путь, заваленный снѣгами, лежалъ именно тѣмъ предѣломъ, за который нельзя уже переступить. Солдаты, нынче мокрые отъ падающаго снѣга, завтра промороженные, потомъ продуваемые сквознякомъ, казались тѣнями на берегахъ Стикса.

В. И. Даль, въ своихъ запискахъ объ экспедиціи, кажется, взялъ этотъ самый моментъ для изображенія линейнаго солдата въ слѣдующемъ портретѣ.

Онъ говоритъ: «3 февраля опять 29°/о и уже около двухъ недѣль все 22 и 24. Дровъ нѣтъ. Сожгли люди, сожгли канаты, которые горятъ превосходно; пѣхота

словно не живая; вѣрите ли, что солдата нашего надобно — не только одѣть и обуть, но и завернуть, укутать и застегнуть; надобно научить его, какъ въ походѣ варить на камышѣ кашу, какъ ставить котелки въ одинъ рядъ и отгребать золу и прочее... Я удивляюсь еще, какъ народъ такъ хорошо переносить эту службу и недостатки топлива».

Потомъ, у него же въ реэстрѣ по лазаретамъ, сказано: «Въ пѣхотѣ, состоящей изъ 2,930 человекъ, умершихъ до 400 человекъ, въ три мѣсяца умеръ почти седьмой изъ здоровыхъ, а изъ уральцевъ двухсотый. (Русскій Архивъ, годъ пятый. Москва 1867 г.)

Такова вышла поразительная разница между русскимъ мужикомъ и уральцемъ. Первому, какъ уже было замѣчено, каждый гигантскій трудъ по плечу, но труды принадлежать оспѣдлому жителю, дѣйствователю въ кругу деревень; на оборотъ, казакъ, этотъ сынъ пустыни, живетъ гостемъ въ своей станицѣ и хозяиномъ на Уральскомъ и Хвалынскомъ рыболовствѣ въ позднюю осень и зиму. Онъ свылся съ бурами, и морозами съ самаго дѣтства.

А между тѣмъ походъ, съ маршрутомъ «ретирады», что у насъ на военномъ языкѣ переводится бабьей трусостью, до основанія потрясъ солдатъ и казаковъ; послѣдніе убѣдительно просили, чтобъ ихъ однихъ пустить на Хиву въ числѣ двухъ полковъ, т. е. 1,500 человекъ. Но удалцамъ было растолковано по пальцамъ, что у насъ нѣтъ здоровыхъ верблюдовъ, которые могли бы за коннымъ отрядомъ везти продовольствіе.

Здѣсь солдатское желаніе идти впередъ, разумѣется, было чище, безкорыстнѣе. Въ ихъ воображеніи Хива представлялась въ пороховомъ дымѣ, встрѣча съ врагомъ — подъ команднымъ словомъ: «классъ-пли!» и потомъ русскій лагерь, съ строгимъ карауломъ вокругъ виноградниковъ. Казакъ иначе раскидывалъ умомъ разумомъ. Онъ общалъ своему отцу-старикѣ привезти бухарскій коверъ, на постелю матери стеганный пушунъ, невѣсть, женѣ и

сестрѣ шелкова, сыну аргамака, а себѣ сребра и злата. И вся эта великолѣпная пирамида безслѣдно проваливалась въ снѣжные сугробы.

На Агъ-Булакѣ мы бросили три тысячи четвертей хлѣба и всѣ лишнія тяжести, пригодныя только для передовой дороги, именно (лодки и ванаты находились уже въ золѣ и угляхъ): оставшіеся якоря, кошмы, ножи, шинное и повозочное желѣзо, потомъ груды гвоздей, сала, соли и проч. И все это было даровымъ кладомъ кайсакамъ и волекамъ.

10-го февраля надъ нами горѣло три солнца. Эмба 20 февраля привѣтствовала насъ 25° морозомъ.

— У мороза, говорили солдаты, вмѣсто башки и глазъ, видно одинъ только и торчитъ красный носъ! Ну что онъ теперь-то шипитъ на насъ по змѣиному? Прежде не пускалъ колонны къ Хивѣ, а нынѣ не пускаетъ къ Оренбургу!

— Да ему старому хрѣну, отвѣчали другіе, какъ бабѣ ягѣ,—хочется покататься на нашихъ косточкахъ.

— Экая собака — медвѣдь стервятникъ, съѣлъ въ степи цѣлый батальонъ, а все мало!

— Смотри, Сенька, непозоръ морозъ, берегись!

— А что будетъ?

— Да то, что онъ тебя перваго сожретъ. Ты, братъ, ужъ на очереди!

— Я! это почему?

— Да потому, что ты худъ, какъ голынь! — Съ тебя того и гляди, что свалится казенная амуниція, какъ съ гнилой сошки!

— Ну, врешь, мной-то онъ и подавится! У меня душа, какъ въ вѣникѣ, за то голосъ—что въ теремѣ! Я крѣпко стоялъ подъ крещенскими и ховральскими морозами, а теперь скоро прилетятъ жаворонокъ.

Результатъ экспедиціи.

Наконецъ скорбный отрядъ съ Эмбы двинулся въ Оренбургъ, при полномъ развитіи весеннихъ травъ.

Нѣсколько сотенъ цынготныхъ солдатъ тащились съ бляками и на костыляхъ, насильно подгоняемые сфрейторами и ундерами; но такое движеніе оказалось спасительнымъ. За нѣсколько станцій до Оренбурга всѣ они стояли во фронтѣ и, подъ музыку горнистовъ, молодцами вступили въ городъ, умирающихъ привозили въ лазаретныхъ фурахъ и сдавали въ госпиталь. Такъ было въ маѣ; а черезъ три мѣсяца, т. е. въ августу того-же 1840 г., всѣ экспедиціонные офицеры и нижніе чины находились уже въ полномъ цвѣтѣ.

Зимняя страда слетѣла съ физиономій страдниковъ, степные слѣды отъ маршевыхъ колоннъ исчезли вмѣстѣ съ снѣгомъ; но Абикирское укрѣпленіе осталось памятникомъ грознаго похода. Вѣсти о походѣ, громовымъ рокотомъ отгравувъ въ Хивѣ, сильно всполошили хана Аллакула. Онъ зналъ, что русскій сардаръ шутить не любитъ, и если въ страшную зиму, съ небывалыми морозами и снѣгами, русскіе войска прошли почти тысячу верстъ въ глубь пустыни, то въ обыкновенный годъ они явятся предъ его государствомъ на курчыхъ ножкахъ и все опровернутъ вверхъ дномъ. Онъ очень хорошо зналъ, что корпусному командиру и военному губернатору Василью Алексѣевичу Перовскому повелѣно: посадить на его мѣсто другаго надежнаго султана, вѣрнаго слугу русскаго престола, и если это не состоялось нынче, то непременно состоится чрезъ годъ. И Аллакулъ, безъ всякаго раздумья, исполнилъ то, въ чемъ состояла главная цѣль нашего похода т. е. отправилъ въ Оренбургъ всѣхъ бывшихъ у него плѣнниковъ, въ числѣ 500 человекъ, и потомъ разослалъ строгій фирманъ, запрещающій брать или покупать русскихъ и вредить чѣмъ либо Россіи.

Въ августъ того же 1840 года плѣнники прибыли въ Оренбургъ и именно въ числѣ около 500 человекъ.

Разсказъ плѣнника.

Въ августѣ 1840 г. по дѣламъ службы я пріѣхалъ въ Оренбургъ на канунѣ того дня, когда хивинскіе плѣнники вступили на отечественную землю. Ихъ ожидали съ утра, и передъ вечерними караванъ показался у мѣноваго двора, это версты за двѣ отъ города.

Прибытіе изъ Азіи освобожденныхъ невольниковъ краснорѣчиво представляло тотъ высоботоржественный моментъ, когда духъ человѣка, пробужденный восторженностію, уравниваетъ слѣпоеневѣдѣніе съ просвѣщеннымъ мыслителемъ. Да, здѣсь именно видѣлась та великая минута, которая первобытному дикарю подала первую идею о Верховномъ Существоѣ и о первой благодарственной молитвѣ огню, звѣздному небу, мѣсяцу, молніи, грому и животворному солнцу. Великая радость и великое несчастіе на всѣхъ ступеняхъ челоѣческаго развитія безмолвны... здѣсь ихъ рѣчь—восклипанія, перечень междометій.

Вдалекѣ отъ города жужжавшій караванъ вдругъ смолкъ, замеръ передъ Оренбургомъ. Для челоѣческаго языка тутъ уже не было мѣста: чувство зрѣнія поглатило всѣ остальные. Плѣнники сидѣли на верблюдахъ каменными статуями; но при видѣ церковныхъ главъ, освѣщенныхъ яркимъ августовскимъ солнцемъ, словно стаи подстрѣленныхъ коршуновъ полетели сверху въ низъ шапки, башмаки и цвѣтные малахал. Безмолвныя всадники благоговѣнно крестились; но спустя минуту, будто по командѣ всѣ радостно крикнули: Уралъ! Уралъ! Господу слава! И вся пятисотенная толпа, прыгая, надая, спазывая съ верблюдовъ бросилась къ рѣкѣ пить святую воду, умываться святой водой и не съ припадкой, а въ платьѣ по колѣна и по поясъ стоя въ Уралѣ... Потомъ, перейдя на правый берегъ, вся масса пала въ низъ лицомъ и, долго, долго любовно цѣловала родную землю, съ самыми нѣжными причитаніями.

— Матушка ты наша родимая! добрая кормилица-попилица. Ты насъ вырастила, выхолила, научила уму-разуму, прими же ты опять насъ страдниковъ, мы твои дѣти! не выдавай насъ хищникамъ, а успокой наши косточки въ своихъ теплыхъ могилахъ!

Вокругъ стонъ стоялъ, но этотъ стонъ выражалъ шумную русскую радость. Зрители безмолвовали и, оскѣня глаза рукой, искали своихъ отцовъ, дѣтей и братьевъ.

Прямо съ похода всѣ эти осчастливленные горемыки были приведены на площадь между городомъ и военнымъ госпиталемъ, чтобъ лично повѣрить ихъ число по именнымъ спискамъ. Плѣнниковъ окружали штабные офицеры и чиновники, купцы привѣтствовали хлѣбомъ и солью, казаки-обыватели подчивали казачами, арбузами, дынями и родимымъ квасомъ.

Въ прибывшей толпѣ, въ новыхъ узорно стеганыхъ баховыхъ халатахъ (напутный подарокъ хана), слышались громкія восклицанія, заторопленные вопросы, отвѣты, всхлипыванья, благословенія, крики ура! проклятій и забыванья.

Многіе плѣнники напоминали собой семь спящихъ четьи-минейныхъ отроковъ, которые послѣ трехсотлѣтняго опочива, взволкавши проснулись, и когда пришли на торжище купить хлѣба, то не только что не узнали своего родимаго города, но даже ихъ мелкія монеты давнымъ давно вышли изъ государственнаго употребленія. И они снова улеглись спать до втораго пришествія.

Надъ площадью стоялъ перемѣжающійся гулъ: оренбургцы отыскивали пропадавшихъ родственниковъ и знакомыхъ; выходцы изъ Хивы разомъ желали узнать, какая доля ихъ ожидаетъ на Уралѣ. И надъ этимъ неразборчивымъ говоромъ, съ ясностію и въ самомъ перепутанномъ видѣ выдавались рѣчистыя восклицанія въ родѣ слѣдующихъ:

— Да вѣдь Ленбургъ—то, кажись, прежде на той сторонѣ стоялъ.

— Онъ недавно только переѣхалъ...

- Нѣтъ, все на здѣшнемъ берегу...
- Дитяtko, голубчикъ, ужли ты мой сынокъ?
- А гдѣ домъ-то нашъ?
- Женили на Дарьѣ Козыревой...
- Сгорѣлъ до тла...
- Да живы-ли?
- Было слезъ и не мало...
- Меньшая замужемъ...
- За родителемъ и старушка убралась на погостъ...
- Эхъ, Господи! круглый я сирота.
- На Уралѣ нѣтъ сиротъ!
- Жена! развѣ это ты?
- Нѣтъ одонья пшеницы!
- Состарилась родимая...
- Соколъ мой ясный!..
- Молодцомъ сталъ, любо-дорого посмотрѣть...
- Въ чемъ только душенька держится!..
- Эй смирно! — ѣдитъ корпусный командиръ!

Трогательно и любопытно было видѣть нашихъ земляковъ-выходцевъ съ того свѣта: многіе изъ нихъ родились и состарились въ Хивѣ, измѣнили одежду, но не измѣнили вѣрѣ и родному говору, сохранили обычай отцовъ и не износили типъ нашей сѣверной народности. Каждый ребенокъ и отрокъ, рожденные въ мусульманскихъ поселеніяхъ, знали коренную молитву: Отче нашъ и Богородицу. Они съ дѣтскимъ любопытствомъ спрашивали: далеко ли до Москвы-града съ золотыми маковками, и стоитъ ли еще тамъ батюшка Иванъ Великій, который подпираетъ крестомъ небо? Пожилые сохранили пѣсни своей родины и передали ихъ дѣтямъ. Нѣкоторые изъ полоненниковъ поженились на хивинкахъ, но при извѣстіи, что ихъ отпускаютъ на родину, побрбсали женъ-басурманокъ.

Я спросилъ близъ стоявшаго черноволосаго юношу (съ высокими скулами и широкими, въ родѣ усовъ, бровями животно-сладострастной Азіи): ты, мой милый, родился въ Хивѣ?

- Точно такъ будетъ.
- Мать у тебя хивинка?
- Нешто, хивинка.
- Она здѣсь съ вами?
- Нѣтъ, родитель ее бросилъ, для того, что не захотѣла ѣхать на нашъ Уралъ.
- Отчегожь ты съ ней не остался?
- Да вѣдь у меня, чай, святой Хрестъ на шеѣ.
- Жалко тебѣ ее?
- Жалко-то жалко; но больно хотѣлось идти въ свою хрещеную землю, въ родительскую станицу Микольскую.
- Кто же тебя крестилъ? вѣдь въ Хивѣ нѣтъ поповъ?

Парень поднялъ свои широкія брови и замаялся... Къ нему на выручку подошелъ старый казакъ, старательно заслоняя у себя лѣвое ухо и щеку. У насъ, ваше благородіе, сказалъ онъ, всѣхъ новорожденныхъ крестили, изъ нашенскихъ же, баушки повитухи и крестили въ корытцѣ.

— Какъ въ корытцѣ?

— Да такъ, въ корытцѣ, по русскому обычаю. Чай, изволишь знать, что у насъ на святой Руси, когда родится на свѣтъ нежилой, плохарь, то до прихода попа его и крестить повитуха съ одной сусовой (Исусовой) молитвой. Значить, чтобъ не упустить его душеньку въ вѣчную тьму. Вѣдь у Господа Бога во всѣхъ земляхъ святая вода льется.

— Что это, дѣдушка, ты закрываешь себѣ щеку?

— Для того, батюшка, что на меня непригоже смотрѣть. Я казенный. Онъ отнял руку, и меня тревожно передернуло. У старика какъ то несуразно было оторвано лѣвое ухо и глубокимъ оврагомъ лежалъ прамъ вдоль всей щеки.

— Ты казакъ?

— Нѣтъ, ваше благородіе, я былъ Межегородской мѣщанинъ, конный барышникъ и наѣздникъ на всѣ руки.

— Ктожь это тебя такъ варварски изурочилъ?

— Живя въ некрещеной землѣ, много видѣли горы, многова натерпѣлись отъ всякой всячины; но здѣсь не человѣческая рука меня казнила, а Господь, вишь, показывалъ за грѣхи.

Шестидесятилѣтняго старика, но еще бодрого и съ крутыми плечами, обступилъ нашъ кружокъ; всѣ желали узнать его повѣсть, и онъ началъ слѣдующій разсказъ: «Вскорѣ послѣ французскаго погрома, когда на Лембургѣ сидѣлъ губернаторомъ князь Григорій Семеновичъ Волконскій, тогда про здѣшній край по всей Руси шла вруговая молва, что на Уралѣ золотое дно и пшеничная привольная жизнь. Лукавыя сказки сманили меня поискать талану, и я изъ своей губерніи пробрался на Яикъ. Въ одной станицѣ, близъ Орской крѣпости, я пошелъ съ казакѣмъ хозяиномъ въ долю сѣять пшеницу. Вишь, хотѣлъ въ разъ разбогатѣть, а Господь судилъ по своему. Въ тѣ года яровныя поля находились за Ураломъ, въ глухой степи. Пашня и сѣвъ прошли благополучно, и въ осени уродился хлѣбъ диковинный — сплошной, непрорѣзанный. На жнитво насъ высыпало 15 челоуѣкъ. Къ ночи всѣ утомились и послѣ ужина заснули мертвымъ сномъ, сномъ роковымъ. Передъ зарей на наше сонное гнѣздо налетѣла киргизская орда и прежде, чѣмъ мы образумились, насъ связали по рукамъ, по ногамъ и, перекинувши чрезъ спины нашихъ же коней, пустились верстъ на сорокъ безъ отдыха.

Тяжела была пытка, да видно душа сама не выдетъ, когда Богъ не вынетъ.

Тамъ дали конямъ вздохнуть, да пощипать травки и опять въ дорогу, но уже не мѣшвами поперегъ хребта, а по человѣчески — верхами, только лишь съ связанными руками. На пути большую половину нашей артели перепродали киргизскимъ барышникамъ, а я съ четырьмя казакѣми былъ прямо поставленъ на хивинскій базаръ. Насъ раскупили въ разныя руки, я пошелъ за 10 барановъ къ одному богатому караванщику Усману. Работа у него была каторжная и не стояла ни днемъ, ни ночью.

Два года я мучился у мучителя, покуда спина не замо-золила подъ нагайкой. Днемъ я то копалъ граден, то воду таскалъ на поливку, то въ рѣкѣ купалъ и мылъ барановъ. Ночью же, подъ карауломъ стараго хивинца всегда съ заряженной винтовкой и съ плетью, стерегъ бахчи и верблюдовъ, глодалъ вмѣстѣ съ собаками конскіе мослы и носилъ на себѣ отрепье отъ ховайскаго халата.

Долго оказанные принимались пытатъ меня на обмѣнъ вѣры. Бывало посадятъ на орканѣ въ воду по самыя уши, да и держать до лихорадки, а убивать не хотѣли, чтобъ не потерять работника. Однако, Владычица сохранила мою душу отъ гибели, а совѣсть отъ муки; я устоялъ и хозяинъ смягчился.

Черезъ пять лѣтъ, увидавши мои услуги и претерпѣнныя, онъ снялъ съ меня кандалы и подарилъ халатъ безъ лѣвой полы и объ одномъ рукавѣ. «Неси, говоритъ, Иванъ, да не жалуйся, что твой хозяинъ скупой человекъ. Это, дескать, тебѣ за сбереженіе барановъ! носи, Иванъ, халатъ, нежалѣй, а когда будетъ въ дырахъ, то на заплатки дамъ цѣлую полу.

Я поклонился земно и молвилъ: пять лѣтъ я служу тебѣ, хозяинъ, изъ всѣхъ жилъ: въ день, самъ видишь, не знаю ѣды, ночью сна.

— Вижу, говоритъ, Иванъ, все вижу, за то я съ тебя желѣзы снялъ, подарилъ съ своего плеча почти новый халатъ. А вотъ что, Иванъ, ты слыхалъ про мои табуны, кои пасутся на поемныхъ мѣстахъ около Аму-Дары?

— Какъ, молъ, не слыхать, слыхалъ.

— Такъ вотъ что, вечеръ я узналъ большое свое несчастье. Слушай же въ оба уха: я узналъ, что изъ персидскихъ моихъ жеребцовъ, и самыхъ то наилучшихъ, три аргамака зарѣзаны какимъ-то звѣремъ. Звѣря не видалъ пастухъ, яко бы за ночнымъ туманомъ, да я положилъ этотъ туманъ на его хребтѣ въ двѣ пагайки. Пророкъ не велитъ спускать лѣнливымъ рабамъ и въ Аллаховой

мечети; онъ разбойникъ не видалъ бѣды за туманомъ... Да, вѣдь, я Усманъ, не малое дитѣ, когда звѣрь нападетъ на табунъ, тогда кони шарахнутся — тутъ и не зѣвай. Вчера я самъ былъ на Аму-Дарьи и видѣлъ: одинъ аргамакъ съѣденъ чуть не весь, а у двухъ всѣ крестцы исполосованы такими бороздами, словно на нихъ по десяти медвѣдей верхомъ ѣздили. Здѣсь видна работа не волка... я чаю тигра. Ты, Иванъ, видалъ тигра?

— Нѣтъ, хозяинъ; я у тебя жилъ подъ носомъ, гдѣ, молъ, тутъ увидать персидскаго звѣря.

— Слушай, я расскажу тебѣ про тигра. По своимъ ладамъ онъ похожъ на кошку, съ маховую сажень въ длину. Цвѣтомъ темно-желтый, поперекъ туловища черныя полосы, башка вотъ какая, зубища по четверти. Но его боятся только пастухи трусы, а передъ храбрыми онъ самъ трусливъ, какъ заяцъ. Приди же ко мнѣ, Иванъ, во время завтрака, я тебѣ, какъ вѣрному рабу, дамъ свою винтовку. Стрѣлять умѣешь?

— Какъ, молъ, не умѣть, умѣю.

— Ну вотъ я дамъ тебѣ винтовку, двѣ узды, про случай арканъ, уврюкъ, суму съ сухарями, а пойло на конскомъ водопоѣ. Сможешь ты съ такимъ дѣломъ?

Я зналъ, что хозяинъ вретъ, никакого тигра и въ духахъ не было, и все это для того, чтобъ заставить меня не спать ночи, и я отвѣтилъ: смогу хозяинъ, и буду беречь твое добро, какъ свой глазъ; а ежели что случится, то сперва самъ здохну.

— Нѣтъ, Иванъ, береги себя, а то и тебя звѣрь съѣстъ и табунъ некому пасти будетъ. Такъ ты вотъ что дѣлай. Съ молоду я самъ былъ ловкимъ пастухомъ. Слушай, ты каждую ночь выгоняй лошадей на чистую луговину и уже не давай расходиться по камышамъ. Садись верхомъ на уврючнаго коня и кружи табунъ до свѣту, а съ зарей Аллахъ даетъ тебѣ увидѣнье; да не забудь взять съ собой двухъ собакъ. Ты знаешь, какъ въ табунѣ отыскать уврючнаго?

— Ну какъ не знать: у нихъ поперегъ брюха всегда идетъ бѣлая полоса — шерсти, т. е. обожженное мѣсто отъ вашей веревочной подпруги.

— Такъ, такъ, Иванъ, сухарей бери на десять дней; и какъ здѣсь позавтракаешь, то и въ дорогу, отсюда чай и 50 русскихъ верстъ nebudeтъ до мѣста. Прощай же, Иванъ, будь счастливъ! и когда увидишь тигра, то кричи во всю глотку: Аллахъ, Аллахъ! и стрѣляй. Тигры Аллаха боятся, какъ огня. Я ушолъ.

Новая работа образумила мой умъ, задавленный безперечнымъ надзоромъ и воловой работой, а тутъ, глядя на вольныхъ коней, какъ они играли на пастбищѣ, стала и ко мнѣ приходить мысль о свободѣ. Вспомнилъ я свою родимую Русь, широкую матушку Волгу, на берегу ея большой посадъ, гдѣ осталась вдовѣть жена и сиротѣть дѣти. Кровь заходила во мнѣ, словно пьяная брага. Эхъ, думаю себѣ: двухъ смертей не бывать, а одной неминовать! А при моемъ житѣ всякая лютая смерть краше хивинскаго полона! Мыслилъ я о побѣгѣ первую четверть мѣсяца, а въ другую половину порѣшилъ пустится въ Русь. Черезъ десять дней Усманъ прислалъ мнѣ торбу хлѣба и велѣлъ спросить—все ли благополучно? я приказалъ отвѣтить, что его, молю, табунъ цѣлъ и невредимъ, о тигрѣ нѣтъ и слуха. Посолъ ушолъ, и я опять остался самовольнымъ бариномъ. Хлѣбъ у меня былъ, а тамъ Богъ не безъ милости, христіанинъ не безъ счастія! Только бы перебраться за Карауметскія горы, а тамъ дикаго луку, да борщевиковъ на каждомъ почти мѣстѣ до отвалу. Соль есть, чай не умру съ голоду. Въ табунѣ у меня на примѣтѣ были два аргамака—диво дивное! На скачкѣ пускай въ перегонку съ вѣтромъ, но за то такая дичь, что постороннему человѣку не дадутъ па себя наврѣться. Въ степи они родились, въ степи и вырѣли, словно двѣ наливныя вишенки. Какъ теперь на нихъ гляжу, масти темно-гнѣдой въ маслѣ, глаза большіе на выкатѣ съ голубымъ отливомъ, словно осеннія звѣзды. Двѣ недѣли по ночамъ они

у меня ходили на приволѣ, т. е. на короткомъ арканѣ, порознь у вбитыхъ кольяхъ по самую маковку. Во все время, опикивая, и присвистывая, я приучилъ ихъ подпускать къ себѣ. Они полюбили меня — сдружились. Въ ночь побѣга горячо помолился я Московскимъ святителямъ и положилъ на душу зарокъ сходить въ Кіевъ; взнуздалъ соколовъ: на одного сѣлъ, другаго приторочилъ къ самодѣльной подпругѣ и съ мѣста полетѣлъ птицею. Собаки, визжа и лая, понеслись за мной. Солнышко взошло и прошло съ восхода до заката, я все еще скакалъ берегомъ Аму-Дарьи. Къ вечеру замотался подо мной скакунъ и мертвый гранулся о землю. Фыркая и качаясь отъ усталости, обнюхивалъ его заводной жеребецъ и щетинилъ гриву, а я считалъ проскаканныя степи и сводилъ въ умъ: можетъ ли за мной быть погоня? Усману за 50 верстъ отъ табуна и самъ шайтанъ не дастъ скорой повѣстки; по округѣ со мной небыло ни одного косяка; а тутъ передо мной справа по всему побережью Дарьи тростники темнымъ лѣсомъ стоятъ, гдѣ можно не только укрыться одному путнику, а всю Хиву спрятать съ маковкой. Съ этой стороны дѣло было ладно; а передній походъ еще только въ началѣ. Что-то будетъ? Отъ заводнаго коня, послѣдней надежи, валить горячій паръ, словно въ каменѣ... Провелъ я его подъ уздцы и забрался въ самый камышевой частикъ на паству, трава была сочная въ колѣно. И вотъ только я успѣлъ стреножить скакуна, да лечь на землю, какъ шумя тростниками примчались ко мнѣ двѣ вѣрныя собаки. Други мои, говорилъ я вслухъ, давая то одной, то другой по куску жаренаго зайца, ими же наканунѣ затравленнаго, берегите вы меня дорогой, а на своей родинѣ я буду васъ холить какъ дѣтей. Нынѣшняя наша ставція была — конская смерть; завтра пойдемъ свавать не болѣе ста верстъ. Тогда и конь будетъ цѣлъ, и вы не отстанете. На зарѣ я опять помчался въ путину; объѣздами по камышамъ миновалъ много ауловъ, и ночевалъ тоже на берегу рѣки. Я летѣлъ быстро, но не отставая видно ни

на шагъ, летѣла со мной и бѣда моя роковая. Къ вечеру третьихъ сутокъ я расположился въ девятиаршинныхъ тростникахъ какого то озера, въ которое, какъ говорили мнѣ послѣ, вливается малымъ рукавомъ Аму-Дарья. Съ часъ не прошло времени, смотрю!—что за диво? собаки мои ворча бросились въ частикъ, и тутъ же съ поджатыми хвостами подползли опять ко мнѣ. Я еще до прежде и на всякой стоянкѣ, вокругъ сажень на 20, приминалъ поросли, чтобы при случаѣ успѣть осмотрѣться. Вотъ опять не прошло и минуты, какъ слышу отъ хивинской стороны подъ чьей-то тяжелой стопою хрустнули стебли травы и тутъ же все стихло, словно сторожный тать крадся на ловлю чужаго добра. Собаки съ лаемъ бросались на встрѣчу невидимки, и опять отскочивши назадъ, какъ ужаленныя змѣемъ, стали жаться ко мнѣ. Жеребецъ храпѣлъ и переступалъ спутанными ногами. Ночь была мѣсячная, вся полянка свѣтилась, словно при огнѣ, только въ зеленыхъ камышахъ стояла тьма окромешная. Не волкъ ли идетъ гостить, подумалъ я, и изготовилъ винтовку, заряженную свинцовымъ жеребѣемъ. Сердце у меня недрогнуло для того, что пошелъ на пропалюю. Въ умѣ стояла одна молитва: пошли Господи смерть лютую, но скорую, чтобы степные коршуны не стали бы выпивать мои очи при моей жизни. Вдругъ, батюшки свѣты! переплетенный камышъ треща и шипя распахнулся, и звѣрь, съ трехъ годовалаго быка, однимъ прыжкомъ очутился на крайнѣ моего стана. Смотрю: тигръ. Широкая его образина пестрѣла на мѣсцѣ, какъ росписанное рѣшето, пасть оскалена, зенки такъ и зѣяютъ раскаленными угольями. Размышлять было некогда, звѣрь сгибалъ хребетъ дугою и, казалось, хотѣлъ скакнуть прямо ко мнѣ на шею. Приложился; трахъ!... и въ этотъ мигъ, какъ дымъ облакомъ всталъ передъ глазами, тигръ со всего размаха бросился, сбилъ меня на землѣ такимъ ударомъ, что я замертво остался на мѣстѣ. Долго ли такъ пролежалъ, не помню, только на зорѣ я очнулся. Голова была, какъ разбитый

котель... боль стояла несусвѣтная, а силы мои словно кто высосалъ. Щупаю, уха—нѣтъ, щека распорота, и кругомъ лужа крови. На небѣ свѣтало, а на душѣ была ночь и черная немочь въ тѣлѣ. Съ трудомъ поднялся я на ноги, обмылъ голову, намялъ въ рукахъ лопушныхъ листьевъ, привязалъ къ ранѣ кушакомъ и куринымъ шагомъ поплелся, куда Богъ вынесетъ. Жеребецъ мой видно оборвалъ пути и пропалъ; одни собаки были при мнѣ, да въ тростникѣ стояли два широкіе пролома: первый—куда звѣрь убѣжалъ, а другой—куда аргамакъ шарачнулся.

Кое-какъ я дотащился до ближняго киргизскаго кочевья, и спасибо этимъ нехристамъ; они призрѣли меня, и въ мѣсяцъ поставили на ноги, отвезли въ Хиву на торговую площадь. Старикъ Усманъ опять купилъ меня, какъ урода—калѣку за 5 барановъ, и помиловалъ. Грѣшный человекъ, я рассказалъ ему небылицу, что при первой встрѣчѣ я подстрѣлилъ тигра; потомъ безъ ума разума гнался за нимъ,—и добилъ его другой пулей. Шкуру хотѣлось, молъ, привезти тебѣ, хозяинъ въ даръ, но звѣрь меня истерзалъ и тутъ же здохъ. Киргизы нашли и взяли его себѣ.

Тигръ точно былъ убитъ. Свинцовый жребій засѣлъ ему между глазъ, и онъ тоже не взвидя свѣту, сгороча, только прежними силами сбилъ меня съ ногъ; но какъ оторвалъ ухо и распавилъ щеку лапой ли, то ли зубами, ничего не помню. И такъ въ хивинскомъ полону я промаялся 27 годовъ.

Въ малахай стараго разскащика мы набросали денегъ такъ много, что онъ безъ нужды могъ доѣхать до своей родины.

Д. И. Минаевъ—Отецъ.